„Пров 38"
Библиотека Коммунистической Академии
711
30
DK 265

Артурское сидѣніе.

Часть 2-ая.

Глава I.

Такъ кончились штурмы нашего фронта.

Генералъ Ноги, цѣной жизни трехъ тысячъ доблестныхъ бойцовъ, сталъ обладателемъ только горы Длинной, и то благодаря нашей халатности.

Въ крѣпости ходили самые странные слухи о войскахъ, участвовавшихъ въ атакахъ послѣднихъ дней. Нѣкоторые увѣряли, что одинъ полкъ, погибшій на Высокой, весь цѣликомъ состоялъ изъ студентовъ Токійскаго университета, которымъ за громко выраженное недовольство недостаточно быстрыми успѣхами генерала Ноги, Микадо приказалъ самимъ идти брать Портъ-Артуръ. Другіе передавали, что среди павшихъ, при взятіи водопроводныхъ и кумирненскихъ редутовъ, японцевъ есть много людей высокорослыхъ, бѣлокожихъ съ свѣтлой бородой и волосами. Было подозрѣніе, что это англичане или американцы. Третьи, со словъ плѣнныхъ японцевъ (кстати сказать, добровольно перебѣжавшихъ въ наши окопы), утверждали, что осадѣ скоро наступитъ конецъ, ибо у непріятеля уже и войска утомились, и запасовъ нѣтъ и „бери-бери" свирѣпствуетъ и т. д. Наконецъ, были даже такіе, которые, ссылаясь на крайнюю моложавость многихъ погибшихъ японцевъ, добродушно говорили, что особенно намъ страшиться за будущее крѣпости нечего, ибо, повидимому, у Японіи запасъ мужскаго населенія, способнаго носить оружіе,—изсякъ, если на войну посылаютъ переодѣтыхъ остриженныхъ женщинъ и подростковъ мальчиковъ.

Большинство этихъ оптимистовъ было того мнѣнія, что сидѣть намъ въ Артурѣ не стоитъ; надо собраться и двинуться всѣмъ на сѣверъ. (Даже и тѣни сомнѣнія не было, что мы способны добраться до Куропаткина).

Разговоры объ Артурѣ, Куропаткинѣ, судьбахъ войны тянулись цѣлыми часами.

Послѣ атакъ Высокой, въ Штабѣ не было отбою отъ любопытныхъ; въ теченіе почти цѣлой недѣли пріѣзжали офицеры, моряки, штатскіе — распросить о штурмахъ, поглядѣть на Высокую. Болѣе храбрые отваживались даже днемъ отправляться на гору.

Погода стояла дивная: — солнце щедро обливало теплом и свѣтомъ голыя вершины Ляодуна.

На Высокой слѣды ужаснаго побоища еще не вполнѣ исчезли; хаосъ и разрушеніе было тоже; пока лишь успѣли оттащить на нѣсколько сажень отъ окоповъ трупы японцевъ, да наскоро, кое-какъ починить обвалы брустверовъ, блиндажей, окоповъ.

На площадкѣ у Комендантскаго блиндажа были сложены трофеи побѣды: — пулеметный станокъ, три стальныхъ щита съ прорѣзью для наблюденія и цѣлыя сотни винтовокъ, штыковъ, сумокъ, патронныхъ пачекъ и т. п. Винтовки были страшно исковерканы. Глядя на разломанные, искривленные стволы, расщепленные приклады, изогнутые штыки — становилось жутко при мысли о тѣхъ ужасахъ, гдѣ не выдержала даже твердость стали. Что же вынесли люди, въ рукахъ которыхъ были эти изломанныя груды оружія?!

Послѣ ряда дней бѣшенаго огня и непрерывной работы смерти наступила относительная тишина. Японцы что-то таинственно копались на Сѣдловыхъ горахъ, а у насъ снова воцарилась лихорадочная суетолока:—поправляли Высокую, подкрѣпляли Плоскую, Дивизіонную и пр.

По части техническихъ средствъ и личнаго состава свѣдущихъ людей фронтъ теперь находился въ лучшихъ условіяхъ. Въ составѣ нашего штаба теперь числился военный инженеръ полковникъ Дубицкій. Помимо пользы, которую онъ приносилъ, какъ лицо объединяющее собой всю техническую службу, полковникъ этотъ былъ весьма полезенъ тѣмъ, что, во-первыхъ, благодаря ему на нашихъ позиціяхъ стало работать много опытныхъ спеціалистовъ-рабочихъ изъ строительства порта,—а, во-вторыхъ, онъ, какъ инспекторъ строительства порта, имѣлъ возможность снабжать наши позиціи и войска матеріалами столь щедро, что недостатка въ такихъ предметахъ, какъ брусья, рельсы, шпалы, инструментъ и т. п. мы совершенно не ощущали. Появленію этого полковника у насъ, какъ должностного лица, предшествовали его частые наѣзды къ намъ въ качествѣ гостя — знакомаго нѣкоторыхъ офицеровъ,—давно служившихъ на Востокѣ. Слыша сѣтованія на недостатокъ нужныхъ матеріаловъ, онъ всегда очень отзывчиво относился къ нашимъ нуждамъ и присылалъ, что могъ. Послѣ же сентябрьскихъ штурмовъ, по личной, кажется

просьбѣ, его назначили отряднымъ инженеромъ нашего фронта.

Услуги его (нынѣ покойнаго) оборонѣ нашего фронта очень велики и, не преувеличивая можно сказать, что безъ содѣйствія полковника Дубицкаго Западный фронтъ не имѣлъ бы и половины того нужнаго матеріала, инструмента и спеціалистовъ-рабочихъ, что обильно прибывали на фронтъ изъ портоваго строительства.

Послѣ уборки массы японскихъ труповъ, занялись капитальнымъ ремонтомъ укрѣпленій горы. Видимо, теперь только значеніе Высокой стало ясно многимъ и приступили къ дѣлу наискорѣйшаго и наилучшаго укрѣпленія ея.

Дѣйствительно страннымъ казалось, почему столь важный пунктъ—ключъ всего лѣваго фланга Артура—до этого времени не былъ оцѣненъ по достоинству и не было построено бетоннаго форта. Отговорки инженеровъ о недостаткѣ денегъ врядъ ли были основательны, ибо строили же фортъ № VI; почему же вмѣсто малозначущаго форта № VI нельзя было деньги употребить на крупной важности фортъ на Высокой. Для суммы кредита это было-бы безразлично, для крѣпости же это было бы громаднымъ плюсомъ.

Многимъ изъ насъ отсутствіе форта казалось результатомъ не недостатка денегъ, а недостатка глазомѣра, знанія военнаго искусства.

Лишь потерявъ двѣ тысячи человѣкъ, мы рѣшили экстренными мѣрами, импровизированными средствами придать горѣ ту силу сопротивленія, которой обладаютъ только укрѣпленія долговременной фортификаціи.

Главнымъ распорядителемъ былъ генералъ Кондратенко. Почти черезъ день онъ пріѣзжалъ въ Штабъ для совмѣстнаго съ нашими полковниками обсужденія тѣхъ или другихъ мѣропріятій, плановъ. Комендантомъ Высокой былъ капитанъ Стемпневскій. Послѣ отбитія штурмовъ его хотѣли смѣнить, въ виду сильнаго утомленія, но онъ отказался, сказавъ, что либо до конца отстоитъ Высокую, — либо погибнетъ, но добровольно съ Высокой не уйдетъ. Уязвленное самолюбіе приковало его къ голымъ скаламъ Высокой.

Подъ неостывшими впечатлѣніями недавнихъ штурмовъ, теперь Высокую собирались сдѣлать неприступной твердыней.

Окопы обѣихъ вершинъ преображались въ два грозныхъ редута; кольцевой окопъ сталъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтать все болѣе углубленную профиль. Блиндажи подверглись коренной передѣлкѣ; покрытіе, расчитанное на сопротивленіе шестидюймовымъ фугас-

нымъ бомбамъ, состояло изъ двухъ рядовъ рельсъ, двухъ рядовъ шпалъ и слоя глыбъ камня, толщиной около 3,5 футовъ. Въ нѣкоторыхъ блиндажахъ были примѣнены и стальные листы толщиною въ 1 дюймъ, уложенные поверхъ бревенъ въ качествѣ брони, при чемъ толщина слоя камня была доведена только до 1 фута. Между окопами и блиндажами стали рыть глубокіе,—болѣе человѣческаго роста,—ходы сообщенія.

Благодаря гигантской энергіи и нечеловѣческимъ усиліямъ нѣсколькихъ сотъ изможденныхъ, жалкихъ физически людей,—гора все болѣе и болѣе преображалась, постепенно, но быстро приближаясь къ той гордой неприступности, опоры половины крѣпости, на которую имѣла полное право по своему мѣстоположенію и даннымъ.

Кромѣ укрѣпленія Высокой, велись дѣятельныя и неустанныя работы по усиленію позицій горъ Плоской, Дивизіонной. Начинали подумывать такъ же и объ устройствѣ зимнихъ отапливаемыхъ помѣщеній въ тылу окоповъ.

Работа кипѣла всюду.

Съ наступленіемъ вечера у штаба фронта собиралось до 6—7 ротъ, назначенныхъ на ночныя работы. Непрерывно тянулись подводы, двуколки съ бревнами, досками, брусьями, рельсами, стальными листами, мѣшками, лопатами, кирками и т. п.

Вслѣдствіе твердости грунта, во многихъ мѣстахъ отрывки приходилось дѣлать посредствомъ подрывныхъ работъ; дѣломъ этимъ вѣдалъ одинъ прапорщикъ запаснаго баталіона (бывшій саперный унтеръ-офицеръ), при помощи двухъ нижнихъ чиновъ саперной роты и 4 спеціалистовъ-рабочихъ при строительствѣ порта.

Работы по укрѣпленію фронта велись подъ руководствомъ полковника Дубицкаго саперными офицерами поручиками Левбергомъ и Феттеромъ. Послѣдній, хотя и былъ офицеромъ нашей минной роты, но какъ коренной саперъ *), былъ назначенъ на фортификаціонныя работы.

Артиллерійскимъ дѣломъ вѣдалъ подполковникъ Романовскій, при помощи капитана Гобято и шт.-капитана Дешина.

Съ утра до ночи раздавался голосъ Дешина, съ изумительнымъ хладнокровіемъ кричавшаго до хрипоты **) въ телефонъ и переговаривавшагося съ разными командирами батарей по вопросамъ стрѣльбы, количества снарядовъ и т. п.

---

*) До войны онъ служилъ въ Севастопольской саперной ротѣ.

**) Телефонное сообщеніе было ниже всякой критики.

Уже рѣзко ощущавшійся недостатокъ снарядовъ заставлялъ изыскивать средства, могущія замѣнить столь нужный факторъ войны.

Капитанъ Гобято совмѣстно съ мичманомъ Власьевымъ работалъ надъ миной, которой стрѣляли изъ обыкновеннаго орудія. Мина эта представляла собой пустотѣлый конусъ, наполненный взрывчатымъ веществомъ—снабженнымъ въ вершинѣ конуса капсюлемъ и ударникомъ. Къ серединѣ же основанія конуса прикрѣплялась палка, длиной соотвѣтственно длинѣ ствола даннаго орудія и толщиной согласно калибру. При заряжаніи орудія палку всовывали съ дула. Одинъ конецъ доходилъ до зарядной камеры, а на другомъ концѣ (у дула) сидѣла прикрѣпленная мина. Благодаря давленію пороховыхъ газовъ изъ зарядной камеры, палка съ миной вылетала и, описавъ нѣкоторую траэкторію, падала, ударяясь вершиной конуса въ землю. Отъ удара взрывался капсюль и слѣдовалъ взрывъ всего заряда.

Минъ такихъ Гобято и Власьевъ испытывали и изобрѣтали нѣсколько типовъ, различныхъ по вѣсу и зарядамъ, стараясь добиться наибольшей дальности и мѣткости. Главное преимущество этихъ минъ передъ имѣвшимися морскими заключалось въ томъ, что ихъ можно было сколько угодно наготовить изъ подручнаго матеріала и стрѣлять изъ любого орудія, т. е., самые главные недостатки морскихъ минъ и ихъ аппаратовъ тутъ отсутствовали, что и было важно. А то случалось, что въ нужный моментъ, когда вся надежда возлагалась на минный аппаратъ, — онъ давалъ отказъ изъ-за одной пули, попавшей въ казенную часть. Артиллерійскія же орудія были болѣе стойки и выносливы передъ непріятельскимъ огнемъ и такіе казусы случались несравненно рѣже.

Впослѣдствіи эти мины принесли большую пользу при разрушеніи ближайшихъ работъ противника (на Восточномъ фронтѣ) и отраженіи штурмовъ,—оборонѣ рвовъ.

ГЛАВА 2-ая.

Мои работы по части приготовленія бомбъ подвигались довольно успѣшно, принимая все болѣе и болѣе широкіе размѣры.

По приказанію генерала Кондратенко, изъ каждаго полка его дивизіи мнѣ дали по 8 жестянщиковъ. Эти 32 человѣка непрерывно заняты были выдѣлкой оболочекъ изъ листового цинка и бѣлой жести. Кромѣ нихъ у меня работало еще 6 человѣкъ минеръ,

подъ главнымъ руководствомъ унтеръ-офицера Осиповича, надъ заряжаніемъ и снаряженіемъ приносимыхъ изъ мастерской оболочекъ.

Пироксилинъ мы хранили въ складѣ минной роты у дома купца Соловья. Пока я пользовался остатками пироксилина нашей роты и получалъ изъ Миннаго городка еще лекальный пироксилинъ изъ минъ Уайтхеда, ежедневно намъ удавалось выпускать отъ 300 до 500 штукъ.

Благодаря Высокой, бомбы пріобрѣли широкую извѣстность и спросъ былъ громадный. Пока все приготовленное мной шло на нужды нашего фронта. Хотя еще боевъ не было, но желаніе полковниковъ Ирмана и Третьякова было таково, чтобы на каждаго солдата приходилось бы по крайней мѣрѣ по одной штукѣ. Ежедневно являлись двуколки и бомбы доставлялись въ штабъ фронта, гдѣ самъ полковникъ Третьяковъ распредѣлялъ, сколько отправить на позиціи и сколько оставить въ Штабѣ въ складѣ.

Послѣ штурмовъ въ началѣ мѣсяца до 18-го числа японцы ограничивались только регулярной бомбардировкой и сапой подвигались къ крѣпости. На Восточномъ и Сѣверномъ фронтахъ грунтъ благопріятствовалъ этого рода работамъ. На нашемъ же фронтѣ, благодаря сплошной скалѣ, дѣло шло значительно медленнѣе.

Настроеніе нашей публики послѣ сентябрьскихъ штурмовъ было довольно повышенное; отбитіе Высокой застилало собою потерю Длинной, Водопроводныхъ, Кумирненскихъ редутовъ и успѣхъ медленнаго, но ничѣмъ непредотвратимаго приближенія японцевъ къ Восточному фронту.

Рявканье и вой снарядовъ, шипѣніе, жужжаніе и свистъ осколковъ стали дѣломъ обычнымъ и никого особенно не волновало.

Не только военные, но и штатскія лица, даже дамы разъѣзжали подъ градомъ снарядовъ по своимъ дѣламъ, нисколько не смущаясь мыслью о смерти. Смерть была къ каждому изъ насъ ближе, чѣмъ рядомъ сидящій за столомъ сосѣдъ, поэтому никому не казалось страннымъ, что подъ грохотъ снарядовъ, ежеминутно подвергаясь опасности, люди ходили по дѣламъ и даже отправлялись въ гости. Настолько притупились у всѣхъ нервы, что даже дѣти не боялись снарядовъ: былъ одинъ мальчикъ лѣтъ 12—13, реалистъ, который подъ снарядами на велосипедѣ развозилъ донесенія.

Но помимо удачи на Высокой, много бодрости придавало и полученное отъ Куропаткина извѣстіе о скорой и энергичной помощи къ 1-му сентября. Хотя 1-е давно прошло, но надежда — великая утѣшитель-

ница всѣхъ несчастныхъ — не покидала насъ, приводя всякіе возможные доводы и оправданія по поводу запозданія помощи.

Донесенія китайцевъ (я говорю про тѣ донесенія, которыя становились намъ—строевымъ чинамъ — извѣстными), тоже поддерживали эти надежды своими „цѣнными“ свѣдѣніями, что генералъ Куропаткинъ дошелъ до Самсона, скоро будетъ брать Самсонъ и т. д.

Помимо все большаго и большаго съуженія кольца осады, положеніе крѣпости ухудшалось еще благодаря скудости жизненныхъ припасовъ, недостатку медицинскихъ средствъ, не говоря уже про незначительный запасъ снарядовъ.

18-го сентября ночью, благодаря малочисленности гарнизона, японцами была взята у насъ Сигнальная горка на берегу бухты Тахэ, но на слѣдующій день жестокій огонь съ крѣпостныхъ верковъ заставилъ противника уйти, и горка снова осталась за нами.

24-го по городу распространился слухъ, что у японцевъ появились какія то новыя орудія, повидимому старыя мортиры, снятыя съ судовъ. И огромные 25-ти пудовые снаряды съ шумомъ, на подобіе двигающагося по'ѣзда, стали летѣть въ бухту и въ портъ.

Одновременно съ этимъ на верки сѣвернаго и восточнаго фронтовъ стало сыпаться все больше и больше снарядовъ.

Было нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ атаковать фронтъ.

Лихорадочная работа по укрѣпленію верковъ крѣпости продолжалась безостановочно. День и ночь не переставая стучали кирки, звенѣли лопаты. Мѣшковъ уже не хватало. Стали изъ магазиновъ брать полотна, бархатъ, шелкъ и изъ нихъ дѣлать мѣшки. Даже для савановъ уже не было бѣлой матеріи: — хоронили въ саванахъ изъ цвѣтного краснаго, розоваго, желтаго, чернаго коленкора или шелка. Крайне странный видъ имѣли уложенные на двуколкахъ тѣла въ разноцвѣтныхъ покровахъ.

Появленіе новыхъ чудовищныхъ снарядовъ заставило нѣсколько призадуматься: блиндажи, способные выдержать огонь шести дюймовыхъ орудій, противъ этихъ ужасныхъ 25-ти пудовыхъ глыбъ оказывались безсильными и одинъ снарядъ, попавшій въ блиндажъ, разносилъ его въ пухъ и прахъ. Такимъ образомъ, надежда укрыть людей во время артиллерійской подготовки атаки рушилась сама собой, поэтому стали раздаваться голоса, что теперь блиндажи не только не полезны, но прямо таки опасны и и вредны, и что при наличности одиннадцати-дюймо-

выхъ бомбъ нужно отбросить заботу объ укрытіи людей отъ цѣлыхъ снарядовъ, а необходимо принять мѣры только для обезпеченія отъ мелкихъ осколковъ и шрапнельныхъ пуль. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, одинъ генералъ на правомъ флангѣ даже изобрѣлъ какое-то своеобразное легкое блиндажное покрытіе. Въ чемъ была идея — не знаю, увидать не пришлось. Мнѣ объ этомъ разсказывалъ капитанъ Лилье, — строитель VI форта.

Но попутно съ этимъ взглядомъ зародился и другой взглядъ, имѣвшій гораздо больше сторонниковъ и заключавшійся въ томъ, что отказъ отъ укрытія гарнизона даннаго пункта во время артиллерійской подготовки атаки равносиленъ самоубійству, ибо результатомъ такой системы будетъ неизбѣжная огромная убыль, что неминуемо повлечетъ за собою сильное уменьшеніе и безъ того немногочисленнаго гарнизона, благодаря чему волей-неволей придется добровольно самимъ намъ уступать позиціи противнику, ради сокращенія общей длины линіи огня,

Сторонники блиндажей, сознавая крайнюю слабость принятыхъ до этого времени способовъ покрытія, высказывались въ пользу устройства блиндажей по способу устройства минныхъ галлерей съ толщей естественнаго грунта подъ потолкомъ не менѣе 2,5 саженей.

Я лично тоже симпатизировалъ этому взгляду тѣмъ болѣе, что сильно пересѣченная гористая мѣстность весьма способствовала расположенію такихъ блиндажей въ опорныхъ пунктахъ; скалистость почвы была порукой въ ихъ способности противостоять какимъ угодно бомбардировкамъ и снарядамъ.

Но почему то перевѣсъ взялъ первый взглядъ. Отъ устройства солидныхъ блиндажей отказались, оставивъ только такъ называемые „козырьки“ отъ осколковъ и шрапнели, а для спасенія людей при артиллерійской подготовкѣ рѣшили по бокамъ каждаго опорнаго пункта отрыть траншеи-усы, гдѣ долженъ былъ отсиживаться гарнизонъ въ періодъ артиллерійскаго огня и откуда надлежало выбѣгать на линію огня при приближеніи штурмующаго противника.

Хотя Артурскіе верки сплошь были соединены другъ съ другомъ траншеями, но это нововведеніе потребовало отрывки еще нѣкоторыхъ дополнительныхъ окоповъ.

Лично мнѣ до сихъ поръ кажется страннымъ, почему восторжествовалъ этотъ взглядъ; вѣдь если устройство блиндажей по способу минныхъ галлерей потребовало бы огромныхъ работъ (какъ сказалъ мнѣ полковникъ Григоренко), то развѣ отрывка усовъ была по количеству кубовъ земли меньше? Врядъ ли!

Правда, веденіе галлерей требовало больше труда и матеріала, но развѣ это не окупилось бы сохраненіемъ нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ жизней? Вѣдь во время ноябрьскихъ штурмовъ на одной Высокой мы потеряли 6 тысячъ человѣкъ и японцы заняли гору благодаря пустотѣ окоповъ — весь гарнизонъ, не смотря на щедро подливаемый резервъ, былъ выбитъ артиллерійскимъ огнемъ. Ошибка была сознана, но уже поздно.

Хотя появленіе одиннадцати-дюймовыхъ снарядовъ повергло гарнизонъ и жителей Артура на первое время въ сильное уныніе, но вскорѣ привычка взяла верхъ и къ нимъ стали относится такъ же какъ и къ прочимъ снарядамъ, въ изобиліи падавшимъ на площади, улицы, дома и верки Артура. Помимо привычки, причиной этого спокойствія отчасти былъ слухъ, что одиннадцати-дюймовыя орудія это старыя мортиры, т. е. орудія уже изношенныя и на службу не годныя, а затѣмъ и самое качество снарядовъ—болѣе 50% не разрывалось. На любой улицѣ, въ особенности около портовыхъ мастерскихъ, дока, можно было видѣть на половину зарывшіяся или прямо такъ плашмя лежавшія бомбы. Впослѣдствіи ихъ стали собирать и обратно отправлять японцамъ черезъ мортиры Золотой горы.

Главной цѣлью установки одиннадцати-дюймовыхъ гаубицъ было уничтоженіе флота и съ перваго же выстрѣла японцы систематически громили бухту, гдѣ стояли корабли, портовыя мастерскія, докъ.

Пока, благодаря недостаточной чувствительности ударной трубки, снаряды эти не рвались и особаго вреда не приносили, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда попадали въ судно или зданіе.

Нѣсколько коммерческихъ кораблей насквозь были пронизаны такими бомбами. Снарядъ, упавъ на верхнюю палубу, прошелъ благополучно, не разорвавшись, весь корпусъ и, пробивъ обшивку киля, легъ на морское дно.

Пока шестидюймовые черняки по производимому разрушенію были страшнѣе одиннадцати-дюймовыхъ бомбъ, но зато эффектъ паденія этихъ чудовищъ по истинѣ былъ ужасающій.

ГЛАВА 3-я.

28-го сентября я поѣхалъ въ Портъ къ капитану Крумелю по дѣлу объ оболочкахъ для моихъ шаровыхъ бомбъ. Отпустивъ извозчика у воротъ, пѣшкомъ направился по набережной пристани вдоль домовъ служащихъ. Поравнявшись съ чьимъ-то садикомъ, услышалъ лѣвѣе себя какой-то шумъ, на по-

добіе кипящаго гигантскаго самовара. Я въ недоумѣнія остановился и сталъ разглядывать садикъ, желая опредѣлить источникъ этого страннаго, все усиливающагося звука. Но каково было мое замѣшательство, когда шумъ самовара постепенно, но быстро перешелъ въ оглушающій вой, грохотъ, жужжаніе, сзади послышалось бултыханіе чего-то большого, тяжелаго въ воду и огромный водяной столбъ радугой сталъ переливаться подъ яркими лучами осенняго солнца.

Ошеломленный, стоялъ я, глядя на мѣсто, гдѣ еще расходились концентрическіе круги воды. Мимо бѣжавшій матросъ на мой вопросъ сообщилъ, что это новые снаряды. Не успѣлъ я сдѣлать и 10-ти шаговъ, какъ гдѣ-то въ отдаленіи на сѣверѣ раздался глухой выстрѣлъ и 500 фунтовая бомба съ душу леденящимъ шумомъ снова избороздила воздухъ и бултыхнулась въ воду.

Въ мастерской порта мнѣ подтвердили ранѣе слышанное объ этой новой напасти и между прочимъ сообщили, что сегодня въ 4 часа огонь всѣхъ орудій крѣпости будетъ сосредоточенъ на двухъ батареяхъ этихъ мортиръ и, внѣ всякаго сомнѣнія, завтра уже не услышимъ оглушающаго жужжанія и воя, ибо батареи будутъ навѣрное разгромлены.

Затѣмъ, въ видѣ особаго секрета, на ухо сказали, что нѣкій лейтенантъ вызвался сегодня ночью пройти въ раіонъ японскаго расположенія и взорвать ихъ одинадцати-дюймовыя мортиры. Вскорѣ наступило 4 часа, но орудія наши молчали; наступила ночь и никто не взорвалъ мортиръ и онѣ спокойно продолжали громить и разрушать Артуръ до послѣдняго дня!

Оно и естественно. Смести эти батареи мы не могли не только потому, что снарядовъ было мало, но еще и потому, что... что мы не знали, гдѣ онѣ.

Японцы столь искусно располагали свои батареи по 1—2 орудія, что положительно не было возможности точно опредѣлить ихъ мѣстонахожденіе, за очень малыми исключеніями.

Мы больше стрѣляли по артиллеріи наугадъ и случаи подбитія орудія у нашего противника были рѣдки.

30-го сентября, по просьбѣ начальника боевого участка на Голубиной бухтѣ капитана Романовскаго, полковникъ Ирманъ приказалъ мнѣ отправиться на бухту и заминировать подступы къ этой позиціи.

Подготовивъ нужный матеріалъ, въ 6 часовъ вечера мы выступили съ двуколками изъ Новаго Города. Ѣхать приходилось шагомъ, чтобы не попортились заряды. Около 8 часовъ подъѣхали къ возвышенностямъ у Большой Голубиной Бухты; насъ встрѣтилъ капитанъ Романовскій и направилъ на передо-

вой, непосредственно первый отъ японцевъ—пунктъ—горку штабсъ-капитана Соловьева. Доѣхавъ къ фанзамъ въ тылу горы, мы слѣзли и сгрузили привезенное. Вскорѣ явился и самъ штабсъ-капитанъ Соловьевъ, занимавшій горку съ своей охотничьей командой.

Было еще свѣтло. Мои минеры и ѣздовые расположились покурить, а меня Соловьевъ повелъ къ себѣ въ землянку пить чай. Около 9 часовъ стемнѣло и изъ-за горизонта стала показываться луна. Было тихо, ни одного выстрѣла. Выйдя изъ землянки въ тылу у подошвы, мы вдвоемъ поднялись на гребень горки до нашихъ окоповъ и затѣмъ стали спускаться внизъ къ японцамъ, занимавшимъ впереди лежащія возвышенности по прямой не далѣе 500 шаговъ.

Горка, почти правильной элипсоидальной формы, съ большой осью на гребнѣ около 300 шаговъ, лежала въ разстояніи четверти версты къ востоку отъ моря, нѣсколько выдаваясь впередъ отъ утеса, раздѣляющаго Большую и Малую Голубиныя Бухты. Лѣвѣе горки до моря и къ утесу мѣстность была совершенно ровная и гладкая. Вправо тянулась волнистая равнина, вплоть до V-го укрѣпленія. Въ тылу къ горкѣ примыкала небольшая китайская деревушка, а затѣмъ, до самаго утеса, была ровная площадь съ солеварнями, за которыми былъ рядъ сопокъ—позицій штабсъ-капитана Ерофѣева, капитана Неклюдова и другихъ.

Такимъ образомъ горка эта являлась первымъ пунктомъ, на который долженъ былъ обрушиться ударъ японцевъ при атакѣ.

Главнѣйшими недостатками этой горки какъ позиціи были: 1) огромная водомоина, тянувшаяся отъ середины склона горки почти вплоть до японскаго расположенія; по этой водомоинѣ могли бы скрытно подойти къ нашему окопу на 25 шаговъ цѣлыхъ двѣ-три роты; 2) правый флангъ не былъ обезпеченъ ничѣмъ, кромѣ постовъ конныхъ охотниковъ и казаковъ, занимавшихъ линію по равнинѣ къ V-му укрѣпленію. 3) Лѣвый флангъ былъ въ томъ же положеніи и даже еще болѣе худшемъ, ибо сѣвъ на обыкновенныя шлюпки, японцы съ легкостью могли анфилировать нашъ окопъ. Для огражденія себя отъ подобной случайности, Соловьевъ высылалъ постоянно одинъ взводъ на маленькую сопку у самаго берега лѣвѣе и чуть впереди горки. Сопка эта своимъ фронтальнымъ къ морю огнемъ не позволяла бы дѣйствій съ шаландъ; и наконецъ 3) не было пути отступленія. Въ случаѣ оставленія горки, пришлось бы подъ огнемъ въ упоръ спуститься съ горки и пройти около 250 шаговъ по совершенно ровному, какъ площадка тен-

ниса, плацу солеваренъ до позиціи Ерофѣева. Врядъ ли кто дошелъ бы!

Осмотрѣвъ съ Соловьевымъ позицію, я рѣшилъ оградить его отъ случайности внезапнаго появленія японцевъ изъ водомоины, помочь ружейной оборонѣ установкой минъ вдоль всего окопа въ качествѣ искусственнаго препятствія и, насколько возможно было, затруднить проходъ японцамъ съ лѣваго фланга.

Соловьевъ далъ рабочихъ и мы немедленно приступили къ работамъ. Мины были самодѣйствующія. Въ водомоинѣ поставили 7. Четыре — на 50 — 60 шаговъ впереди нашего секрета, три—шаговъ на 25. На горкѣ у выхода изъ водомоины—4 мины и вдоль окоповъ—10. Оставалось 9 минъ, которыя и размѣстили на лѣвомъ флангѣ у самой горки.

Было почти совсѣмъ свѣтло, когда кончили работу. Грунтъ былъ сплошная скала и, несмотря на рвеніе стрѣлковъ, ямы были готовы лишь около 2-хъ часовъ ночи.

Распрощавшись съ штабсъ-капитаномъ Соловьевымъ и его младшимъ офицеромъ Крюминымъ, двинулся я домой.

Около 12 часовъ дня я отправился въ штабъ съ докладомъ къ полковнику Ирману о произведенной работѣ. Въ разговорѣ съ офицерами, я передалъ свои впечатлѣнія о степени надежности позиціи.

Вечеромъ меня вызвалъ штабсъ-капитанъ Баумъ—бригадный адъютантъ полковника Ирмана, исполнявшій у насъ какъ бы должность начальника Штаба отряда,—и сообщилъ мнѣ, что Ирману стали извѣстны мои слова объ этой позиціи и онъ ѣдетъ туда сегодня ночью и предлагаетъ мнѣ тоже поѣхать, если у меня нѣтъ ночной работы.

Работъ у меня пока не было и мы въ 9 часовъ, поужинавъ супомъ изъ конины, сѣли верхомъ и двинулись на Бухту. Въ 10 часовъ мы были уже на мѣстѣ и послѣ тщательнаго осмотра позиціи было высказано мнѣніе о крайней необходимости установки орудія на утесѣ, раздѣлявшемъ Большую и Малую Голубиныя бухты, дабы воспрепятствовать,—во первыхъ,—дѣйствіямъ съ моря и, во вторыхъ, шрапнелью закрывъ проходъ лѣвѣе горки Соловьева, обезпечить его лѣвый флангъ.

Пушка эта должна была находиться въ вѣдѣніи штабсъ-капитана Ерофѣева, люди котораго оберегали утесъ.

Затѣмъ, было признано необходимымъ обезпечить и позицію Ерофѣева также минами.

Дня черезъ два на Бухту отправили поршневое орудіе и утесъ получилъ возможность въ случаѣ нуж-

ды отвѣчать непріятельскимъ миноносцамъ посылавшимъ снаряды съ моря.

ГЛАВА 4-ая.

Къ началу октября мои запасы пироксилина изсякли и готовить бомбочки въ прежнихъ размѣрахъ стало невозможно. Между тѣмъ спросъ все увеличивался, войска входили во вкусъ употребленія этого новаго для нихъ фактора борьбы и всюду слышались разсказы о томъ или иномъ удачномъ дѣйствіи при вылазкахъ, небольшихъ стычкахъ. Пока еще крупныхъ атакъ не было.

Снаряжалъ я пока пироксилиномъ, получавшимся изъ Миннаго Городка отъ моряковъ. Но во первыхъ, какъ я уже сказалъ, его было мало, а затѣмъ до меня дошелъ слухъ, что скоро и совсѣмъ перестанутъ мнѣ присылать его, ибо и у моряковъ мало осталось.

Надо было что нибудь предпринять. Заряжать чугунныя пустотѣлыя старыя круглыя гранаты чернымъ порохомъ, какъ это дѣлалъ поручикъ Дебогорій-Мокріевичъ, я не хотѣлъ. Отъ этихъ гранатъ нельзя было ожидать такой пользы, какую приносили пироксилиновыя бомбочки. Во первыхъ,—гранаты эти своими осколками поражали бросающаго столько же, сколько и того въ кого бросались, а, во вторыхъ, — зачастую въ самый нужный моментъ давали отказъ:— пороховые газы скорѣе вышибали пробку, закрывавшую очко, чѣмъ разрывали гранату. Гранаты эти могли быть полезны при оборонѣ рвовъ и т. п. мѣстъ, когда бросающій могъ скрываться за какое либо закрытіе, для обезпеченія себя отъ осколковъ. Тогда какъ пироксилиновыя бомбочки можно было употреблять въ любой обстановкѣ и жизни бросающаго онѣ нисколько не угрожали, благодаря тонкой оболочки.

Вооружившись курсами нашей Военной Электрической школы по химіи взрывчатыхъ веществъ, я сталъ припоминать вызубренное въ школѣ и рѣшилъ начать фабриковать нитроглицеринъ для выдѣлки самодѣльнаго динамита. Нужно было достать глицеринъ, кислоты, сосуды и пр. Я посовѣтовался съ полковникомъ Дубицкимъ. Очень горячо принявъ къ сердцу, онъ обѣщалъ свое содѣйствіе и далъ полную carte blanche искать въ магазинахъ и брать на его имя все, что признаю нужнымъ.

Побывавъ во всѣхъ магазинахъ, складахъ и аптекахъ, ничего я не нашелъ; т. е. было, но столь мало, что, какъ говорятъ, игра не стоила свѣчъ. Глицерину, напримѣръ, я нашелъ въ аптекѣ въ Новомъ городѣ около трехъ пудовъ; кислоты сѣрной въ магазинѣ Кунста — около пуда, а азотной даже совсѣмъ не бы-

ло. Все было забрано для чего-то въ Портъ. Бродя изъ магазина въ магазинъ, я забрелъ въ Восточно-Азіатскую Кампанію. На мои разспросы о глицеринѣ, кислотахъ,—управляющій отвѣтилъ отрицательно. Но, узнавъ для чего все это нужно, сообщилъ, что у нихъ въ складѣ имѣется большое количество какого то американскаго взрывчатаго вещества, именуемаго „Самсонъ“ и присланнаго въ Артуръ для горныхъ работъ. Находкѣ я былъ чрезвычайно радъ. Управляющій этотъ былъ столь любезенъ, что немедленно далъ мнѣ разрѣшеніе взять изъ склада три бочки какого то бѣлаго порошка, одну бочку сильно пахучей маслянистой гущи и американскую инструкцію храненія и пользованія этимъ веществомъ.

Въ этотъ же день къ вечеру матеріалы эти были доставлены на мою квартиру въ Новомъ городѣ и я принялся знакомиться съ „Самсономъ“. Вещество оказалось вовсе не новинкой, а уже извѣстнымъ препаратомъ изъ ряда каліевыхъ пороховъ въ смѣси съ препаратомъ нитробензола.

Ознакомившись поверхностно съ главнѣйшими свойствами, я пришелъ къ заключенію, что при отсутствіи пироксилина „Самсонъ“ былъ очень подходящимъ матеріаломъ для бомбочекъ: главное, что на мой взглядъ требовалось, это свойство детонаціи и бризантности при извѣстныхъ условіяхъ, было на лицо.

„Самсонъ“ годился и для заряжанія минъ, что было такъ же важно, ибо кромѣ призматическаго, другого пороха въ крѣпости не было, все было израсходовано, и на свое требованіе пороха для установки минъ на позиціи Ерофѣева я получилъ отказъ: артиллерійское управленіе сказало, что у нихъ нѣтъ,— все забралъ начальникъ фугасной обороны, сей же послѣдній отвѣтилъ, что лишняго у него нѣтъ.

Я сталъ пробовать дѣлать заряды изъ призматическаго пороха, но, какъ и слѣдовало ожидать,—ничего не получилось, ибо зарытый въ землю фугасъ не имѣлъ того наружнаго давленія, которое имѣетъ зарядъ въ камерѣ орудія;—ближайшія къ запалу шашки взрывались, а остальныя разбрасывались.

Такимъ образомъ, годность „Самсона“ для моихъ цѣлей заставила обратить на него серьезное вниманіе. Благодаря любезности полковника Дубицкаго, давшаго мнѣ полную свободу дѣйствій, я забралъ 200 бочекъ порошка и 10 бочекъ масла изъ магазина и вскорѣ домъ мой превратился въ лабораторію взрывчатыхъ веществъ.

(Послѣ смерти шт.-капитана Багговута и ухода на правый флангъ поручика Феттера,—я одинъ жилъ въ пяти комнатахъ).

Но для выработки „Самсона“ у меня не было свѣдующихъ людей; — слесаря и жестянники были заняты своимъ дѣломъ, минеры своимъ и помимо этого у нихъ не было достаточной подготовки для такихъ лабораторныхъ работъ. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ генералу Кондратенко и мнѣ дали 10 человѣкъ лаборантовъ изъ полевой артиллеріи,—четырехъ изъ 4-ой В. С. С. Артиллерійской бригады и шестерыхъ — изъ 7-го В. С. С. Артиллерійскаго дивизіона.

Всѣ подготовительныя работы и добываніе людей заняло почти цѣлую недѣлю.

ГЛАВА 5-ая.

5-го октября приступили къ фабрикаціи.

Способъ приготовленія заключался въ слѣдующемъ: бѣлый порошекъ сначала измельчался (въ бочкахъ онъ слежался и спрессовался), затѣмъ просѣивался черезъ мѣдное сито № 40. Одновременно въ другой комнатѣ размѣшивали и пропускали сквозь сито № 16 маслянистую кашицу, затѣмъ бралось 1,5 пуда готоваго порошка и смѣшивалось съ 0,5 пуд. масла (кашицы) и тщательно размѣшивалось руками до тѣхъ поръ, пока не получалась однородная одноцвѣтная масса въ видѣ желтозеленаго мельчайшаго слегка сырого песка. Затѣмъ эту смѣсь пропускали послѣдовательно черезъ сита №№ 24 и 32, послѣ чего вещество могло считаться готовымъ.

Опыты и послѣдующая затѣмъ практика обнаружили слѣдующія свойства этого вещества:

1) Детонировало отъ капсюля. 2) Отъ огня загоралось и горѣло красивымъ яркимъ свѣтомъ, какъ магній, выдѣляя довольно большое количество молочнаго дыма. 3) Отъ пули взрывалось. 4) Двухпудовый зарядъ начиналъ горѣть, а потомъ взрывался. 5) Сырость большого вліянія не имѣла, если время лежанія было непродолжительно. 6) Свѣтъ и тепло понижаютъ силу взрыва; зарядъ въ 5 фунтовъ, полежавъ въ открытой банкѣ 4 дня на окнѣ (часть дня подъ солнцемъ, часть — нѣтъ), при взрывѣ не перебилъ 6″ бруса, когда тотъ же зарядъ свѣжій — перебиваетъ. Это свойство объясняется испареніемъ масла, которое есть ничто иное, какъ препаратъ нитробензола. 7) Заряды надо обязательно уплотнять набиваніемъ, иначе сила взрыва незначительна, а при большихъ зарядахъ происходитъ неполный взрывъ: — часть заряда разбрасывается и горитъ. 8) Плотно набитый и герметически укупоренный зарядъ взрывается отъ обыкновеннаго огня. 9) Ударъ, треніе вызываютъ взрывъ. При приготовленіи первой пробы, солдаты разсыпали немного на полу (деревянномъ); когда одинъ повернулся, то подъ его, кованнымъ подковой, каблукомъ произошелъ взрывъ. 10) Недостаточно тщательно смѣшанный „Самсонъ“ взрывается слабо и даже можетъ дать неполный взрывъ. Мелкій „Самсонъ“, пропитывая одежду рабочихъ, весьма опасенъ: — достаточно приблизить папиросу, какъ весь человѣкъ вспыхиваетъ и нѣтъ возможности спасти; въ 2 минуты погибъ одинъ рабочій лаборатористъ. „Самсонъ“, въѣдаясь въ кожу рукъ, лица, чуть не погубилъ 3-хъ человѣкъ, когда они закуривали папиросу.

Свойства составныхъ частей „Самсона“ были слѣдующія:

Бѣлый порошокъ (назыв. калій въ магазинѣ):

1) Отъ тренія и удара вспыхиваетъ. 2) Отъ огня съ дымомъ спекается въ твердое коричневое вещество, При подогрѣваніи происходитъ тоже явленіе только въ обратномъ порядкѣ: сначала начинаетъ спекаться, затѣмъ вспыхиваетъ и горитъ, оставляя спекшуюся массу, но только чернаго цвѣта. 3) Отъ пули загорается и разбрасывается. 5) Тончайшая пыль страшно опасна: пропитываетъ одежду, волосы, кожу.

Два человѣка чуть не погибли, приблизившись въ рабочей одеждѣ къ топившейся желѣзной печкѣ (печка была закрыта). Довольно чувствителенъ къ сырости. Признаки влажности: плохо просѣивается, быстро слеживается въ комья (нельзя вечеромъ просѣять и оставить до утра). „Самсонъ“, приготовленный изъ отсырѣвшаго порошка взрывается плохо.

По всѣмъ видимостямъ, этотъ порошокъ состоитъ изъ бертолетовой соли и еще чего то.

Масло — зеленовато-бураго цвѣта. Вещество, составленное изъ нитробензола и еще чего то густого, ибо въ бочкахъ всегда наверху жиже, — къ низу — одна каша. 1) На вѣсъ очень тяжелое. Съ водой не смѣшивается. Съ бензиномъ смѣшивается очень хорошо и становится сильно чувствительнымъ къ теплу и огню. Съ керосиномъ смѣшивается плохо, выдѣляя удушливый дымъ при горѣніи. Горитъ голубоватымъ пламенемъ, выдѣляя ѣдкій дымъ. 2) Отъ капсюля загорается и тухнетъ. 3) На морозѣ густѣетъ. 4) Въ теплѣ становится болѣе жидкимъ. При температурѣ въ —3° R можетъ итти въ дѣло. 5) При медленномъ подогрѣваніи въ сосудѣ сначала становится сильно пахучимъ (запахъ скипидара, бензина, горькаго миндаля), затѣмъ начинаетъ выдѣлять бѣловато-бурый дымъ и, наконецъ, загорается. 6) Въ условіяхъ изготовленія „Самсона“ масло это такъ же пахнетъ; при долгомъ вдыханіи атмосферы масла начинаются головокруженія со всѣми признаками отравленія, послѣдствія котораго отражаются и черезъ нѣсколько лѣтъ. (Я и по сію пору страдаю). Поэтому приходилось работу растиранія масла производить на открытомъ воздухѣ и рабочій мѣнялся каждыя сутки. 7) При операціи смѣшиванія масла съ порошкомъ, масло, впитываясь въ тѣло, отравляетъ организмъ: сначала начинаются головокруженія, рвота, а затѣмъ, человѣкъ весь синѣетъ, начиная съ мѣста проникновенія яда. Въ такомъ случаѣ надо немедленно отправить въ госпиталь, ибо требуется весьма продолжительное леченіе: — одинъ минеръ лечился 4 мѣсяца, но и до сихъ поръ послѣдствія остались. Я его видѣлъ 10-го мая минувшаго года.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ свойства „Самсона“ и его составныхъ частей. Собственно говоря, слѣдовало бы произвести химическій анализъ, но, къ сожалѣнію, совершенно некогда было заниматься учеными изслѣдованіями, когда ежечасно бомбардировали меня просьбами и приказаніями прислать возможно больше бомбочекъ, когда бывали періоды, что приходилось работать и ночью.

Всѣ перечисленныя свойства я вывелъ постепенно шагъ за шагомъ, знакомясь съ этимъ взрывчатымъ веществомъ, который оказался вовсе не такимъ безопаснымъ, какъ рекламировали его господа американцы въ своемъ наставленіи, гдѣ между прочимъ говорилось, что „Самсонъ“ совершенно не чувствителенъ ни

къ тренію, ни къ удару. А про такія коварныя свойства, какъ мгновенное вспыхиваніе, въѣданіе въ кожу, ядовитость — не было даже намека.

И такъ, когда я ознакомился со свойствами „Самсона“ и первыя партіи бомбочекъ дали благопріятные результаты, тогда я возбудилъ вопросъ о пріобрѣтеніи всего наличнаго количества порошка и масла. Вскорѣ мнѣ было разрѣшено забрать все, и мой домъ (въ Новомъ городѣ, на площади, гдѣ интенданты сложили муку, наискосокъ отъ дома, гдѣ была убита разрывомъ 12″ снаряда въ первую бомбардировку Артура г-жа Франкъ) превратился въ лабораторію. Но дѣло было въ томъ, что интендантскій складъ сталъ сильно соблазнять японцевъ, которымъ этотъ участокъ былъ хорошо виденъ съ вершины Мертвой Головы, и къ моему великому огорченію весь раіонъ этой площади и моего дома сталъ усиленно подвергаться разстрѣлу. Пришлось искать мѣста для устройства лабораторіи и мастерскихъ. Необходимость въ этомъ явилась еще потому, что требованія на бомбочки такъ возросли, что надо было увеличить выпускъ въ день до 1000—1500 штукъ.

Въ поискахъ своихъ я руководствовался тремя соображеніями: 1) безопасность отъ японскихъ снарядовъ, даже въ случаѣ потери занимаемой нами тогда линіи обороны, 2) достаточная удаленность отъ жилыхъ мѣстъ и 3) достаточное число помѣщеній, ибо помимо помѣщеній требовавшихся для организаціи самой работы, нужны были еще помѣщенія для склада, потому что весь запасъ „Самсона“ лежалъ въ складѣ Восточно-Азіатс. Компаніи тоже въ Новомъ городѣ (на берегу бухты) и легко могло случиться, что шальной снарядъ попавшій въ складъ могъ произвести пожаръ и погубить весь матеріалъ.

Подъ лабораторію и мастерскія я выбралъ двѣ китайскія деревни вправо отъ дороги къ Бѣлому Волку подъ Соляной батареей, выселилъ китайцевъ и началъ производство. И съ этого времени снабжалъ бомбочками не одинъ Западный фронъ, но и центръ (Штабъ полковника Семенова) и правый флангъ (Штабъ генерала Горбатовскаго), въ особенности послѣ взрыва лабораторіи поручика Дебогорія-Мокріевича.

Кромѣ бомбочекъ „Самсонъ“ я, какъ сказалъ раньше, употреблялъ и для фугасовъ.

Со введеніемъ „Самсона“, я отказался отъ жестяныхъ (или цинковыхъ) оболочекъ и сталъ исключительно пользоваться отстрѣлянными гильзами 47 и 57 милиметр. орудій. Причинъ было нѣсколько: 1) запаса жести и цинка во всемъ Артурѣ осталось очень мало, весь онъ забранъ былъ мной и берегъ я его

для 25—30—40 фунтовыхъ бомбъ (о нихъ рѣчь будетъ впереди); 2) цѣлымъ рядомъ опытовъ надъ выработкой наиболѣе удобной для бросанія формы бомбочки я убѣдился, что наибольшей дальности можно достигнуть при продолговатой формѣ, съ условіемъ, чтобы одинъ конецъ (который не находится въ рукѣ бросающаго) былъ тяжелѣе другого, и, наконецъ, 3) имѣя готовыя оболочки можно было въ день выпускать 1000, 2000, 3000 штукъ, что и было въ послѣдствіи.

Кромѣ бомбочекъ, „Самсонъ“ шелъ еще на приготовленіе „свѣчей“. Выше я говорилъ, что „Самсонъ“ отъ огня загорается и горитъ яркимъ бѣлымъ свѣтомъ на подобіе магнія. Этимъ свойствомъ я и воспользовался для освѣщенія мѣстности. Вызывалось это тѣмъ, что ракетъ не хватало; въ октябрѣ, ноябрѣ каждая ракета была на счету, а ночи были темныя и часто случалось, что часовые зря поднимали тревогу. Нервы у всѣхъ были сильно натянуты и въ каждомъ шорохѣ и завываніи вѣтра чудились атакующіе японцы. Поневолѣ приходилось выдумывать что нибудь на пополненіе недостатка въ ракетахъ. Поручикъ Дебогорій-Мокріевичъ дѣлалъ эти свѣчи изъ „рокорока“, а я изъ „Самсона“.

Изъ тюфячной матеріи изготовлялись мѣшечки длиной около 1 фута, шириной — около 3 дюймовъ. Мѣшечки эти неплотно наполнялись „Самсономъ“ и вставлялся бикфордовъ шнуръ (конечно безъ капсюля). Въ нужный моментъ шнуръ поджигали и бросали импровизированную свѣчу въ мѣсто, которое хотѣли освѣтить.

Свѣча горѣла до 1,5—2 минутъ, освѣщая мѣстность кругомъ на 50—60 шаговъ яркимъ свѣтомъ.

Такихъ свѣчей всего было приготовлено 8750 штукъ.

ГЛАВА 6-я.

Выработавъ типъ бомбочекъ, я широко повелъ дѣло ихъ производства, и вскорѣ (около половины октября) могъ выпускать до 2 тысячъ штукъ въ день. Такое огромное количество было необходимо потому, что мнѣ приходилось снабжать, какъ я уже сказалъ, не только войска Западнаго фронта, но и Сѣвернаго, и Восточнаго. Въ дни же штурмовъ производство шло и ночью, и тогда удавалось изготовлять до трехъ тысячъ штукъ въ сутки; но, не смотря и на такую цифру, очень многія требованія оставались неудовлетворенными. Такой огромный спросъ надо объяснить тѣмъ исключительно колоссальнымъ успѣхомъ, которымъ пользовались бомбочки среди войскъ. Успѣхъ

былъ прямымъ послѣдствіемъ поистинѣ ужасающаго дѣйствія этого забытаго вида вооруженія.

Бомбочками пользовались или при отраженіи атакъ, когда японцы доходили на 40—50 шаговъ, или для выбитія осаждающаго изъ частью занятаго окопа, сейчасъ же послѣ штурма или во время штурма, и, наконецъ — при вылазкахъ, съ цѣлью уничтоженія работъ противника.

И для этой цѣли бомбочки были наилучшимъ средствомъ. Одна бомбочка, попавшая въ кучку атакующихъ, выносила изъ строя не менѣе 5—6 человѣкъ*). Наши солдаты настолько довѣряли бомбочкамъ, что не могли въ окопахъ ночевать спокойно, если съ ними не было достаточнаго количества ихъ.

А въ пылу боя очень многіе совершенно бросали винтовку, чтобы работать бомбочками.

И въ каждой ротѣ выработался типъ спеціалистовъ-бомбовщиковъ. Это были наиболѣе храбрые и безстрашные люди. Честь успѣха всѣхъ вылазокъ и выбитія японцевъ изъ занятыхъ участковъ нашихъ окоповъ принадлежитъ этимъ безвѣстнымъ героямъ.

Набравъ съ собой мѣшокъ бомбочекъ, три бомбовщика шли выбивать цѣлую полуроту японцевъ. Старшій бомбовщикъ, съ готовой бомбочкой въ рукѣ, шелъ впереди по окопу. Дойдя до траверза, за которымъ сидятъ японцы, онъ немедленно подготовлялъ ее къ взрыву и бросалъ за траверзъ. Сейчасъ же бросалась вторая и третья (смотря по предполагаемому числу японцевъ). Тотчасъ же вслѣдъ за послѣднимъ взрывомъ всѣ вбѣгали въ окопъ, люди съ винтовками (человѣка 4—5 идутъ за бомбовщиками) доканчивали взорванныхъ японцевъ. Покончивъ такимъ образомъ въ одномъ колѣнѣ окопа, шли дальше и повторялось тоже самое.

Если же надо было прогнать японцевъ изъ ближайшей сапы, то ночью, вооружившись бомбочками, человѣкъ 10—15 подползали къ самой траншеѣ и разомъ кидали 20—30 бомбочекъ. Черезъ четверть часа въ окопѣ не оставалось ни одного живого японца, всѣ бѣжали, лишь раздавались стоны и хрипѣніе взорванныхъ и траншея до утра, а то на два, три дня, оставалась въ нашихъ рукахъ.

Вообще, можно смѣло сказать, что не будь бомбочекъ мы не продержались бы до 20 декабря.

Не обвиняйте меня, читатель, въ хвастовствѣ. Если когда либо встрѣтитесь съ Артурскими офицерами-стрѣлками, спросите и они подтвердятъ мои сло-

---

*) Одинъ нашъ офицеръ, показывая 8 нижнимъ чинамъ своей роты употребленіе бомбочки, не бросилъ ее во время: бомбочка разорвалась у него въ рукахъ и всѣ девять человѣкъ погибли.

ва. Не одного я зналъ офицера, выражавшаго самую живѣйшую радость при полученіи бомбочекъ; и не одинъ десятокъ разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ какой нибудь офицеръ или солдатъ, съ блестящими отъ оживленія и удовольствія глазами, разсказывалъ о томъ или иномъ благопріятномъ успѣхѣ дѣла, благодаря бомбочкамъ.

И я лично склоненъ думать, что подъ Артуромъ погибло японцевъ отъ ручныхъ бомбъ не менѣе 20 тысячъ*). Чтобы не быть голословнымъ, постараюсь доказать нѣкоторыми цифрами: я приготовилъ всего 63,500 штукъ. Но вѣдь и кромѣ меня этимъ дѣломъ занимался еше поручикъ Дебогорій-Мокріевичъ и другіе**), и если предположить, что всего было изготовлено 100 тысячъ, изъ коихъ хотя 25% было употреблено въ прокъ и на каждую бомбочку пришлось по одному человѣку (хотя въ дѣйствительности одна бомбочка въ среднемъ уничтожала 2—3 человѣка) и то получится 25 тысячъ человѣкъ.

Я думаю, съ этимъ можно согласиться, принявъ во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство: снарядовъ было всегда мало; съ 1-го іюля стали экономить, въ октябрѣ и дальше совсѣмъ почти не было, а между тѣмъ Артуръ держался и каждый штурмъ выносилъ изъ рядовъ противника тысячи людей.

Въ Артурѣ дорого продавали свою жизнь; на одного павшаго нашего приходилось 5—10 человѣкъ японцевъ. Но чѣмъ же ихъ губили. Не однимъ же винтовочнымъ и пулеметнымъ огнемъ... Правда, патроновъ выпускали столько, что даже винтовки разбухали и затворъ не закрывался; но почему же эти груды, цѣлые холмы труповъ были голые, почему они всѣ обгорѣли и чѣмъ были разорваны на клочья, какъ не бомбочками. И такъ, 20 тысячъ на бомбочки — это хорошій успѣхъ. Можно лишь пожелать, чтобы такое прекрасное средство борьбы не было предано забвенію и чтобы въ критическій моментъ надобности снова не пришлось изобрѣтать и импровизировать, какъ было въ Артурѣ.

Что ручныя бомбы старыхъ временъ были преданы забвенію, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо успѣхи новѣйшей артиллеріи вполнѣ вознаграждали отсутствіе чугунныхъ пороховыхъ бомбъ; но те-

---

*) Здѣсь я считаю не лишнимъ упомянуть, что многіе изъ насъ артурцевъ не вѣрятъ оффиціальнымъ цифрамъ убыли японцевъ подъ П. Артуромъ; японцы цифры сокращаютъ болѣе чѣмъ вдвое.

**) Еще работали лейтенантъ Развозовъ и поручикъ Никольскій, но производство у нихъ было незначительное, конечно, сравнительно съ нашимъ; послѣднее время взрывчатый матеріалъ они получали у меня и я говорю на основаніи количества забраннаго у меня „Самсона".

перь, когда у насъ подъ руками имѣется серія дробящихъ веществъ, которыя одними своими газами безъ всякихъ оболочекъ производятъ такое ужасное разрушительное дѣйствіе, было бы не только грѣшно, но и прямо преступно не воспользоваться такимъ великолѣпнымъ матеріаломъ для выработки хорошаго типа ручныхъ бомбъ. Я не знаю, быть можетъ кто либо къ моимъ словамъ отнесется съ иронической усмѣшкой и все, что я говорю, сочтетъ за пустыя разглагольствованія человѣка, увлекающагося мелочной идеей, но это будетъ величайшей несправедливостью (конечно, не ко мнѣ, а къ дѣлу), ибо тотъ, кто не былъ въ Артурѣ, кто не видалъ тѣхъ результатовъ дѣйствія бомбочекъ, тому не понять всю важность и крайнюю необходимость вооруженія войскъ этимъ могущественнымъ и страшнымъ пособникомъ штыка.

Выбравъ деревни по дорогѣ къ Бѣлому Волку, я приступилъ къ надлежащему ихъ переустройству. Сначала нужно было выселить жителей-китайцевъ. Снова пришлось быть свидѣтелемъ тяжелыхъ картинъ разставанія съ насиженнымъ мѣстомъ—очагомъ предковъ. Особенно волновались женщины-старухи: однѣ тихо плакали, другія громко причитали, были и такія, что со злостью и гнѣвомъ показывали кулаки и что то въ изступленіи кричали.

Оставивъ свои фанзы, большинство нашло пріютъ въ деревенькахъ около казармъ 28-го полка, тутъ же по близости.

Полковникъ Дубицкій далъ въ мое распоряженіе трехъ своихъ служащихъ: нѣкоего Максимова, одного десятника и какого то еще молодого человѣка (фамилія его не сохранилась у меня).

Максимовъ и молодой человѣкъ служили для посылокъ по магазинамъ, а десятникъ вѣдалъ работами строительнаго характера. Онъ у меня работалъ надъ ремонтомъ обѣихъ деревень и затѣмъ ушелъ. Тѣ же двое работали по день сдачи крѣпости.

Первую деревню (считая отъ Новаго города) я обратилъ только въ мастерскія, для чего сняли соломенныя крыши съ фанзъ, перекрыли гофрированнымъ желѣзомъ, устроили печи, горны, поставили станки, верстаки и пр. Въ этой деревнѣ работало 80 человѣкъ слесарей, жестянниковъ и паяльщиковъ.

Кромѣ этихъ 80 человѣкъ мастеровыхъ, здѣсь было еще 5 человѣкъ просто рабочихъ: 2 для посылки за матеріалами или за отстрѣлянными гильзами на позиціи, двое для доставки готовыхъ оболочекъ въ лабораторію и одинъ — для разноски матеріаловъ тутъ же въ мастерскихъ. Работы были такъ подраздѣлены, какъ бываетъ на фабрикахъ, т. е. было примѣнено строгое раздѣленіе труда. Одинъ человѣкъ — только

кроилъ, другой—только паялъ, третій—только пробивалъ отверстіе и т. д.

Слѣдующая деревня была занята подъ лабораторію и заводъ. Фанзы были перекрыты желѣзомъ, поставлены окна, устроенъ деревянный полъ, перегородки, полки, двери.

Одна фанза была обращена въ расходный складъ: хранился постоянный запасъ въ 100 бочкахъ порошка, 10 бочекъ масла, 5,000 капсюлей, 100 круговъ бикфордова шнура. По срединѣ другой фанзы стоялъ деревянный столъ 6 аршинъ длины, 4—ширины; по немъ катался катокъ въ 5 пудовъ (свинцовый цилиндръ, обшитый деревомъ). Столъ имѣлъ борты на подобіе билліарда. Рабочихъ—9 человѣкъ. Третья фанза была подраздѣлена на 4 отдѣленія: 1-е вѣсовщикъ—1человѣкъ; 2-е — приготовленіе „Самсона“ число рабочихъ—16 человѣкъ; 3 е—наполненіе бомбочекъ — 10 человѣкъ; 4-е—снаряженіе—10 человѣкъ.

Четвертая фанза – складъ готовыхъ бомбочекъ. Пятая—раздѣвальня. Шестая—умывальня. Седьмая—помѣщеніе для всей команды.

Сарай у кирпичнаго завода былъ обращенъ въ основной складъ и здѣсь хранилось все, что нужно было для производства. Изъ этого же склада пополнялся постоянно складъ въ первой фанзѣ, дабы имѣть подъ рукой для работы матеріалъ. Изъ сарая въ первую фанзу каждые два дня доставлялись матеріалы на двуколкахъ, а изъ первой фанзы въ лабораторію — на рукахъ. Основной складъ былъ выбранъ такъ далеко по двумъ соображеніямъ: 1) полная безопасность этого мѣста отъ бомбардировки и 2) достаточная удаленность отъ лабораторіи, на случай взрыва лабораторіи отъ неосторожности или несчастнаго случая (какъ взорвалась лабораторія поручика Дебогорія-Мокріевича).

Порядокъ работы былъ таковъ: въ 7 часовъ утра команда приходила въ раздѣвальню, переодѣвалась въ мундиры, короткіе полушубки, шаровары и валенки, поверхъ надѣвали непромокаемые брюки, рубашки и шляпы (употребляемые у моряковъ желтаго цвѣта) и входили въ лабораторію.

Четверо просторабочихъ приносили изъ склада 10 бочекъ порошка и одну бочку масла; бочки вскрывались на дворѣ лабораторіи. Бочки съ порошкомъ поступали во вторую фанзу. Здѣсь четверо рабочихъ опорожняли на столъ двѣ бочки и начинали катать катокъ, отчего спрессовавшіеся куски разламывались и обращались въ порошокъ на подобіе песка.

Одинъ рабочій, по мѣрѣ измельченія, ссыпалъ черезъ жолобъ въ подставленный подъ столъ ящикъ.

Въ этой же фанзѣ сидѣло четверо рабочихъ за двумя ящиками, которые брали ссыпанное и пропускали черезъ сито № 40.

Эти рабочіе на рукахъ имѣли кожаныя рукавицы (безъ рукавицъ руки стирались до живого мяса о мѣдную сѣтку).

Послѣ вскрытія бочки съ масломъ одинъ рабочій большой лопатой размѣшивалъ въ самой бочкѣ минутъ 15, послѣ чего маленькой лопаточкой пропускалъ масло черезъ сито № 16.

Порошокъ, уже пропущенный черезъ сито № 40 и масло—черезъ сито № 16 поступали въ первое отдѣленіе третьей фанзы, гдѣ вѣсовщикъ развѣшивалъ по полтора пуда масла и распредѣлялъ по ящикамъ. Ящики съ развѣшаннымъ порошкомъ и масломъ поступали во второе отдѣленіе, гдѣ восемъ человѣкъ лаборатористовъ (по два человѣка на ящикъ) руками мѣшали масло съ порошкомъ до тѣхъ поръ, пока получалось сыпучее тѣло консистенціи крупнаго желтозеленаго песку.

Обработанная такимъ образомъ масса передавалась другимъ 8 лаборатористамъ тутъ же во второмъ отдѣленіи. Эти послѣдніе раздѣлялись на двѣ группы, по два ящика въ каждой. Первые четыре человѣка пропускали массу черезъ сито № 24, вторые четыре человѣка брали пропущенное черезъ сито № 24 и пропускали черезъ № 32, послѣ чего полученный готовый „Самсонъ“ передавался въ третье отдѣленіе, гдѣ ссыпался въ два большіе, обитые внутри цинкомъ, ящика (вмѣстимостью по 20 пудовъ). Ящики эти крышекъ не имѣли; вдоль ящика сверху была укрѣплена доска, а около ящика по сторонамъ устроены длинныя скамьи. На скамью садилось по пять человѣкъ, снабженныхъ деревянными прибойниками. Взявъ пустую оболочку, они руками наполняли ее „Самсономъ“, подбивая прибойникомъ черезъ каждую горсть, для чего ставили наполненную оболочку на продольную доску.

Пустыя оболочки подавались сюда черезъ окно со двора двумя приставленными къ этому рабочими.

Наполненныя другими двумя рабочими передавались черезъ окно на дворъ, гдѣ ихъ заливали, послѣ чего онѣ снова черезъ окно поступали въ четвертое отдѣленіе. Здѣсь по срединѣ комнаты стоялъ столъ длиной 4 аршина, шириной 1,5 аршина; за нимъ стояли десять человѣкъ (по пяти съ каждой стороны) и снаряжали: вставляли взрывное приспособленіе или же зажигательныя трубки (если бомбы были примитивнаго типа). Кромѣ этихъ 10 человѣкъ, здѣсь работало еще пять человѣкъ: одинъ—тоненькой палоч-

кой черезъ отверстіе въ оболочкѣ дѣлалъ углубленіе въ зарядѣ гдѣ долженъ быть помѣщенъ капсюль; двое передавали черезъ окно готовыя бомбочки на дворъ и двое на дворѣ складывали бомбочки въ носилки, на которыхъ четыре человѣка (2 носилокъ) уносили въ складъ. Въ складѣ двое снимали съ носилокъ, двое укладывали вдоль стѣнъ (какъ укладываютъ дрова) и одинъ считалъ и велъ запись. Когда же надо было отправлять на позиціи, тогда носильщиками изъ „снаряжательной“ бомбочки прямо доставлялись къ двуколкамъ, а остальные четверо влѣзали на двуколки и укладывали. Укладка производилась рядами; для прокладки пользовались сухими морскими водорослями или же старой соломой (и то, и другое собирали въ заброшенныхъ китайскихъ деревняхъ).

Счетъ и запись отпуску велъ тотъ же счетчикъ у двуколокъ.

Взрывное приспособленіе изготовлялось въ отдѣльной, около жилого сарая, фанзѣ. Этотъ пунктъ былъ выбранъ по тѣмъ соображеніямъ, что если при ихъ изготовленіи по неосторожности взорвется капсюль или трубка, то не будетъ несчастія съ лабораторіей. Съ этою же цѣлью одновременно въ этой фанзѣ не допускалось капсюлей и трубокъ болѣе 100, и рабочихъ болѣе четырехъ человѣкъ.

Оболочки, какъ я сказалъ раньше, приготовлялись въ первой деревнѣ и отсюда на тачкахъ доставлялись въ лабораторію, гдѣ поступали въ третье отдѣленіе черезъ окно.

Работа начиналась въ 7 часовъ утра. Въ 12 часовъ дня люди приходили въ раздѣвальню, раздѣвались, переходили въ умывальню, гдѣ, умывшись мыломъ и теплой водой, вытирались и, одѣвшись въ нерабочіе мундиры, полушубки и проч., шли въ жилое помѣщеніе на горѣ у VI форта.

Въ 2 часа работа возобновлялась: опять люди переодѣвались и наступалъ тотъ же порядокъ производства до 9 часовъ вечера, когда работа прекращалась.

При 12-ти часовой работѣ ежедневно изготовляли до 2,000 штукъ, если оболочками служили гильзы; если же оболочки приходилось дѣлать изъ жести, то болѣе 1,500 не удавалось выпускать.

Но бывали дни во время штурмовъ, когда требованія на бомбочки страшно возростали, доходя до 10,000 штукъ, и тогда работа производилась круглыя сутки безостановочно. При чемъ ночью приходилось работать съ огромнымъ рискомъ взлетѣть всѣмъ вмѣстѣ съ лабораторіей на воздухъ.

Чтобы фраза эта была понятна, я долженъ нѣсколько отклониться и разсказать о характерѣ этого взрывчатаго вещества.

Какъ я уже говорилъ, „Самсонъ“ отъ огня горитъ не взрываясь; но это вѣрно только для небольшихъ количествъ; въ большомъ же количествѣ онъ детонируетъ. Затѣмъ, этотъ бѣлый порошокъ еще до смѣшенія обладаетъ свойствомъ моментально загораться, какъ порохъ (но не взрывается). При растираніи черезъ сито въ первой фанзѣ, порошокъ этотъ такъ распыливался, что всѣ рабочіе покрывались густымъ слоемъ тончайшей бѣлой пыли, а фанза была похожа на мельницу, дышать было трудно и рабочіе принуждены были надѣвать на носъ и ротъ маски изъ тряпокъ. Такая же пыль, но только въ меньшемъ количествѣ, носилась по всей лабораторіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ работать ночью со свѣчами было довольно безразсудно. Но нужда была велика и приходилось измышлять всякія средства. Сначала я бросился устраивать электрическое освѣщеніе, тѣмъ болѣе, что вблизи на Лѣсной Горкѣ была машина. Но отсутствіе проводовъ заставило отказаться отъ этой мысли. Тогда я взялъ круглые корабельные (рейдовые) фонари; окна въ фанзахъ снабдилъ двойными стеклами, надъ окномъ снаружи прибилъ кронштейны и навѣсилъ на нихъ эти фонари (горѣла свѣча). Фонарей всего было 28.

Такимъ образомъ, внутри помѣщеній огня не было, онѣ освѣщались черезъ окна снаружи. Правда, было нѣсколько темновато, но работать было возможно и мы проработали не одинъ десятокъ ночей; достаточно сказать, что съ октября по 20-е декабря мы истратили 15,5 пудовъ свѣчей.

Съ такимъ опаснымъ свойствомъ этой тончайшей пыли мгновенно воспламеняться я познакомился благодаря слѣдующему несчастному случаю.

Въ самомъ началѣ производства „Самсона“ люди работали въ своей ежедневной одеждѣ, и какъ то разъ вечеромъ, послѣ работы трое лаборатористовъ, сидя въ кучкѣ, закурили; при чемъ одинъ изъ нихъ былъ съ бородой. Какъ только онъ поднесъ спичку къ папиросѣ, какъ вся его борода вспыхнула и въ мгновеніе ока онъ былъ охваченъ пламенемъ. Огонь отъ него передался двоимъ его товарищамъ; тѣ бросились на землю и стали кататься по землѣ, стараясь затушить, а онъ бросился въ ближайшій колодецъ (въ десяти шагахъ отъ нихъ) около четырехъ съ половиною аршинъ глубиною. На крики и вопли сбѣжались люди и черезъ 5 минутъ я тоже былъ здѣсь; вытащили его изъ колодца, но было уже поздно; хотя онъ былъ еще живъ, но вся кожа съ головы до ногъ обгорѣла и весь онъ обуглился, и черезъ три дня умеръ въ морскомъ госпиталѣ. А тѣ двое отдѣлались страхомъ и небольшими ожогами. Оказалось, что этотъ

обгорѣвшій работалъ въ первой фанзѣ, то есть былъ просѣвателемъ и вся его одежда пропиталась этой пылью, а тѣ двое были рабочими изъ снаряжательной.

Послѣ этого я выхлопоталъ для всѣхъ своихъ рабочихъ второй комплектъ одежды и непромокаемыя брюки, рубашки и шляпы (для предохраненія пропитыванія рабочей одежды и волосъ). Устроилъ умывальникъ, чтобы предохранить кожу у людей отъ въѣданія этой пыли и всѣмъ рабочимъ-лаборатористамъ сбрилъ бороды, коротко остригъ волосы и каждые 4 дня отправлялъ въ баню.

Одно изъ такихъ же непріятныхъ свойствъ „Самсона“ заставило меня обуть всѣхъ рабочихъ въ валенки; дѣло въ томъ, что уже готовый „Самсонъ“ при треніи или ударѣ загорается; поэтому никакъ нельзя было допустить, чтобы рабочіе расхаживали въ сапогахъ съ подковами или гвоздями (многіе для сбереженія подошвъ послѣдовали примѣру японцевъ и подбили всю подошву широко-шляпными гвоздями). Въ этихъ же видахъ полы были устланы брезентами, которые ежедневно вытряхивались на берегу залива въ то время, когда подметали и мыли полы. Тутъ же на берегу залива производилась чистка сѣтокъ (черезъ которыя пропускали смѣсь). Сѣтки приходилось чистить черезъ каждые 3—4 пуда (залѣпляются очки) и для этой цѣли служили конскія волосяныя щетки.

Не лишне упомянуть здѣсь о забавномъ инцидентѣ. Когда въ магазинахъ изсякъ весь запасъ канифоли, я попросилъ отпускать изъ Порта. Мнѣ отвѣтили, что въ Порту нѣтъ и я былъ въ ужасно затруднительномъ положеніи, ибо для заливки бомбъ одной смолы, во-первыхъ, на долго не хватило бы, а во-вторыхъ, смола застывала очень медленно. Но на мое счастье японцы закатили снарядъ въ Портъ и сгорѣли какіе то склады. Черезъ два-три дня я получилъ увѣдомленіе, что если я желаю имѣть канифоль, то мнѣ слѣдуетъ посылать въ Портъ рабочихъ для откапыванія канифоли изъ подъ пожарища. Я посылалъ каждый день и имѣлъ по четыре двуколки канифоли.

Подогрѣваніе смолы и канифоли производили тоже у залива двумя котлами, а заливка бомбочекъ шла во дворѣ лабораторіи, куда и доставлялся котелъ съ готовой смолой.

На случай пожара или попаданія снаряда, у каждаго угла фанзъ лабораторіи и складовъ были поставлены большія бочки съ водой и стояло по два пожарныхъ насоса и пр. инструментъ.

Эти предохранительныя мѣры иногда не могли бы быть использованы изъ за морозовъ. Но, къ счастью, они ни разу намъ не понадобились.

ГЛАВА 8-ая.

Рабочихъ у меня всего было 150 человѣкъ: 80 — въ мастерскихъ и 70—въ лабораторіи. Но кромѣ этихъ чисто техническихъ рабочихъ было еще 30 человѣкъ (изъ слабосильныхъ командъ) для охраненія склада у кирпичнаго сарая, для охраны всего раіона обѣихъ деревень, для приноса пищи, для уборки лабораторіи и вообще для всякихъ работъ, обычныхъ въ войсковой командѣ: дневальный, ночной (въ помѣщеніи нижнихъ чиновъ) и пр. Такимъ образомъ, всего народу у меня было 180 человѣкъ. Большинство было отъ стрѣлковыхъ полковъ и запасныхъ баталіоновъ; лишь лаборатористы были отъ артиллеріи, а снаряжатели— отъ минной роты.

Не надо забывать, что у меня работало много людей не имѣвшихъ представленія о взрывчатыхъ веществахъ. Это былъ сбродъ (за исключеніемъ артиллеристовъ и минеръ), присланный отъ всѣхъ частей; а части выслали людей негодныхъ для себя; было много запасныхъ бородачей: они были лѣнивы, неаккуратны, не дисциплинированы. Мнѣ стоило великихъ трудовъ и страшныхъ напряженій воли, чтобы обуздать ихъ, подтянуть всѣхъ и, какъ говорятъ, привести въ христіанскій видъ. Въ концѣ концовъ я добился своего. Люди вели себя образцово. Правда, что имъ у меня было лучше, чѣмъ на позиціяхъ: они были въ теплѣ, чаю и сахару—вволю, даже иногда красное вино. Я дѣлалъ все, чтобы кормить ихъ лучше, нежели въ полкахъ.

Такова была организація производства „Самсона“ и бомбочекъ. Во сколько обошлось все это дѣло, къ великому своему сожалѣнію, я самъ точно не знаю. Я привезъ копію со счетовъ, но не всѣхъ. Когда я начиналъ вести дѣло, у меня было столько заботъ и всякихъ хлопотъ, что положительно некогда было заниматься бухгалтеріей. Да и, откровенно говоря, не считалъ нужнымъ, ибо не думалъ, что уцѣлѣю. Я былъ глубоко убѣжденъ, что когда нибудь вмѣстѣ съ лабораторіей взлечу на воздухъ. (Дѣятельность моя, какъ завѣдывающаго минной обороной форта, была тоже изъ небезопасныхъ, и не одинъ разъ приходилось мнѣ бывать въ такихъ передѣлкахъ, что теперь искренно изумляюсь, какъ уцѣлѣлъ). Поэтому, въ началѣ я не велъ никакой записи, но потомъ сталъ вести отчетъ и потребовалъ копіи счетовъ. Нѣкоторыя я получилъ и имѣю теперь. Вотъ по этимъ счетамъ выходитъ, что за „Самсонъ“, капсюли, шнуръ, канифоль, жесть и вообще за всѣ матеріалы, истраченные какъ на производство, такъ и на оборудованіе всего дѣла, уплочено 119947 руб. 01 коп., если не считать

вытяжныхъ трубокъ, гильзъ и работу. Но если сюда присчитать минимумъ 25% на долю счетовъ, которыхъ у меня нѣтъ, то получится сумма въ 150 тысячъ рублей.

Закупка всѣхъ матеріаловъ производилась слѣдующимъ образомъ: я писалъ требованіе и передавалъ Максимову. Максимовъ, совмѣстно съ вышеупомянутымъ молодымъ человѣкомъ, рыскали по магазинамъ и складамъ, и если требуемое находилось, то немедленно же доставляли мнѣ, передавъ требованіе полковнику Дубицкому.

По полученіи матеріаловъ, я извѣщалъ крѣпостного контролера г. Леонардова, и послѣ фактической повѣрки у меня въ складѣ наличности доставленнаго, росписывался въ пріемѣ. Нѣкоторыя вещи я получалъ черезъ Начальника Инженеровъ крѣпости, который, санкціонировавъ мое требованіе, передавалъ его къ исполненію. И вотъ этихъ то счетовъ у меня и нѣтъ; счета же на вещи, пріобрѣтенныя черезъ полковника Дубицкаго въ большинствѣ я получалъ. Кто расплачивался — я не знаю; Инженерное Управленіе или Дубицкій (Инспекторъ Портового строительства)?

Выше я упомянулъ, что, кромѣ изготовленія бомбъ, я завѣдывалъ минной обороной Западнаго фронта (вѣрнѣе, фугасной обороной; я сохраняю артурское названіе) и мнѣ приходилось послѣ безсонной ночи на позиціяхъ идти въ лабораторію наблюдать за работой или же заботиться о доставкѣ матеріаловъ, о доставкѣ гильзъ, о пищѣ людямъ, о перевозочныхъ средствахъ, объ изготовленіи зарядовъ для фугасовъ или приспособленіи ихъ для взрыва и пр. и пр., словомъ работы было пропасть, хватило бы на четверыхъ. А я былъ одинъ только съ унтеръ-офицеромъ минной роты Моргачевымъ; отъ такой напряженной работы я ослабъ, боялся, что слягу и поэтому просилъ генерала Кондратенко дать мнѣ въ помощники артиллерійскаго офицера. Генералъ согласился, тѣмъ болѣе, что надо было имѣть замѣстителя на случай моей смерти и мнѣ было предложено выбрать самому себѣ помощника изъ офицеровъ крѣпостной артиллеріи. Выборъ мой палъ на подпоручика Киселева. Это былъ дѣльный молодой человѣкъ и съ конца октября онъ оказывалъ мнѣ большую помощь своей толковостью, серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и мнѣ не надо было уже такъ разрываться на части, какъ раньше.

Лабораторія моя работала по день сдачи крѣпости и за все время у меня не было ни одного несчастнаго случая, если не считать одного умершаго и нѣсколькихъ отравленныхъ (я выше говорилъ).

Попутно съ работами по устройству лабораторіи

и приготовленію бомбъ, я продолжалъ работать и надъ укрѣпленіемъ позицій постановкой минъ.

За недостаткомъ проводниковъ мины приходилось ставить автоматическія.

Собственно, строго говоря, проводники были: около ста верстъ прекраснаго кабеля лежало на морѣ на минномъ загражденіи, но даже въ октябрѣ еще былъ силенъ страхъ передъ вторженіемъ японцевъ съ моря; и это въ то время, когда въ бухтѣ безпомощно шли ко дну цѣлые десятки землечерпательныхъ пароходовъ, буксировъ, паровыхъ катеровъ и т. п., взорвавшихся на минахъ брошеныхъ на наружномъ рейдѣ японцами. Не смотря на такіе наглядные результаты дѣйствія японскихъ минъ, японцевъ всетаки считали безумными и думали, что они сознательно рискнутъ гибелью своихъ судовъ на своихъ же минахъ и пойдутъ форсировать проходъ. Грустно было констатировать такой странный, если не сказать болѣе, образъ мыслей, но приходилось считаться съ фактомъ.

При другомъ взглядѣ на положеніе вещей давно бы сняли минное загражденіе, и мнѣ не пришлось бы тратить время и силы почти 200 человѣкъ на приготовленіе „Самсона“: въ морскихъ минахъ у насъ лежало около 2000 пудовъ пироксилина и прекрасно можно было бы его утилизировать для бомбъ. Но заправлы были иного мнѣнія. До этого додумались, но додумались поздно, когда черезъ нѣсколько дней сдали крѣпость.

ГЛАВА 9-ая.

12-го октября японцы, давъ клятву взять крѣпость ко дню рожденія Микадо—къ 21-му, стали штурмовать Артуръ.

Атака велась на весь фронтъ непрерывно въ теченіе девяти дней. Японцы снарядовъ не жалѣли и изъ вновь поставленныхъ батарей день и ночь сыпался огненный градъ.

Девять дней и девять ночей не переставая, безъ отдыха и передышки, непрерывно ревѣли пушки и съ грохотомъ разлетались на тысячи осколковъ снаряды.

Но не смотря ни на фанатизмъ, ни на ужасающій огонь, ни на ручныя бомбы, непріятелю не удалось сломить стойкость гарнизона и, положивъ 20,000 лучшихъ воиновъ, генералъ Ноги все таки не двинулся впередъ.

Это была вторичная попытка овладѣть Артуромъ по методу Зауера и она снова показала, что расчитывать на успѣхъ ускоренной атаки нельзя до тѣхъ поръ, пока гарнизонъ еще можетъ ходить и стрѣлять.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь казалось, что лучшихъ условій для примѣненія рецепта германскаго офицера и нельзя было придумать: осажденный физически ослабѣлъ, верки полуразрушены, снарядовъ нѣтъ, на огонь осаждающаго отвѣчать не можетъ; въ то же время, — у осаждающаго войска бодрые, снарядовъ сколько угодно, служба артиллеріи организована великолѣпно, дистанціи извѣстны точно. Чего же, казалось бы, лучше и нужно, но практика снова подтвердила старую истину, что бой не всегда поддается теоретическимъ подсчетамъ.

13-го октября, заготовивъ 36 снарядовъ для автоматическихъ фугасовъ, около 6 часовъ вечера выступили мы на Голубиную бухту для минированія солеварень,—влѣво отъ позиціи шт.-капитана Соловьева. Такъ какъ мѣстность была знакомая, я прямо направился къ деревнѣ за горкой Соловьева, откуда было очень удобно подносить заряды къ мѣсту постановки.

Было уже около девяти часовъ съ половиной, когда мы, подъѣхавъ къ фанзамъ, стали выгружать заряды; въ темнотѣ съ трудомъ можно было отличить строенія. Китайцевъ уже не было: они всѣ куда-то исчезли. Съ жалобнымъ мяуканьемъ прыгнула съ забора къ намъ какая-то кошка, да въ сосѣднемъ дворѣ отчаянно заливался привязанный къ двери песъ.

Сгрузивъ все, я отправилъ своего вѣстового къ шт.-капитану Соловьеву доложить о нашемъ прибытіи и просьбу прислать рабочихъ. Вѣстовой черезъ полчаса вернулся съ отвѣтомъ, что рабочіе скоро будутъ.

Въ ожиданіи людей, мы разсѣлись и закурили. Была теплая безлунная тихая ночь; кругомъ насъ было все спокойно, но зато правѣе... кипѣлъ бой. На всемъ фронтѣ правѣе 4-го форта царила смерть, каждая минута уносила десятки жизней. Грохотъ выстрѣловъ, вой и ревъ разрывовъ, трескотня и рокотъ пулеметовъ сливались въ одинъ страшный шумъ, похожій на отдаленный прибой разбушевавшагося моря. Временами среди этого хаоса звуковъ ясно были слышны крики и вопли сражающихся. То и дѣло прожекторы пронизывали мракъ, нервно вращая свои бѣлесоватые лучи; ракеты и фальшфейеры вспыхивали непрерывно одинъ за другимъ. Хотя было темно и не видно было, что тамъ творится, но характерный шумъ боя былъ хорошо понятенъ; каждому изъ насъ рисовались картины близко знакомыя.

Впечатлѣніе было весьма сильное и оно особенно рѣзко ощущалось благодаря тому, что лично мы сами были въ полной безопасности.

Мои минеры были сильно взволнованы и по адресу японцевъ раздавались весьма не лестные эпитеты. Вскорѣ, однако, наши разговоры и наблюденія были прерваны приходомъ человѣка отъ шт.-капитана Соловьева съ извѣстіемъ, что сегодня рабочихъ онъ дать не можетъ въ виду ожидающейся атаки. Изъ разспросовъ этого вѣстового выяснилось, что секреты впереди Соловьева обнаружили приближеніе японцевъ и сегодня можетъ быть атака.

Не успѣлъ солдатъ и договорить, какъ за горкой затрещали винтовки, около насъ стали цыкать пули и Соловьевъ далъ одинъ за другимъ пять залповъ.

Въ одно мгновеніе разразился бой.

Пачки Соловьева, рокотъ пулеметовъ японцевъ сплошнымъ гуломъ стали отдаваться въ долинахъ.

Пули свистѣли, жужжали надъ нашими головами, пукались объ камни заборовъ и фанзъ.

Положеніе наше было довольно тяжелое. Мы были какъ бы въ ловушкѣ: некуда было намъ отсюда уйти; вся мѣстность вокругъ горки—въ тылу, на-право и на-лѣво—была подъ прицѣльнымъ огнемъ наступавшихъ и выходъ нашъ изъ-за заборовъ и фанзъ повелъ бы къ неминуемой смерти или пораненію кого либо. Но оставаться сидѣть—тоже нельзя было, такъ какъ въ случаѣ гибели команды Соловьева, японцы или могли забрать насъ живыми, или намъ пришлось бы бѣжать на ихъ глазахъ. Главная бѣда была въ томъ, что у меня на рукахъ было 7 двуколокъ 5-го полка. Вслѣдствіе недостатка людей, нестроевую роту полка раскассировали, разославъ людей по ротамъ, а въ качествѣ конюховъ и другихъ хозяйственныхъ чиновъ осталось очень небольшое число и поэтому на двуколкахъ со мной ѣздовыхъ не было. За ѣздовыхъ были мои же минеры—семь человѣкъ. Такимъ образомъ, двуколки по пріѣздѣ не могли быть отправлены назадъ и должны были оставаться, пока мы работали бы. Но эта внезапная атака разрушила всѣ наши соображенія и теперь приходилось придумывать средства, какъ выйти изъ такого непріятнаго положенія. Нужно было не только вывести людей невредимыми изъ подъ града сыпавшихся пуль, но вывезти еще двуколки и лошадей. О зарядахъ я и не думалъ, это было бы безразсудствомъ: одна только пуля, попавшая въ какой либо зарядъ, подняла бы на воздухъ всѣхъ насъ.

Обсудивъ положеніе дѣла, я рѣшилъ немного обождать, въ надеждѣ, что, быть можетъ, Соловьевъ въ самомъ началѣ отобьетъ атаку и у японцевъ пропадетъ охота зря тратить людей и патроны.

Рѣшили заряды и весь нужный матеріалъ сложить въ какой либо фанзѣ (на случай если Соловьевъ

отстоится), и въ слѣдующую ночь вернуться на эту работу. Войдя въ ограду ближайшей фанзы, мы подошли къ двери. Впереди шелъ я, за мной—мой вѣстовой, а за нимъ несли заряды. Толкнувъ ногой дверь фанзы, я перешагнулъ черезъ порогъ, но тутъ же сталъ, какъ вкопанный: кто-то ужасно завопилъ и что то подкатилось къ моимъ ногамъ. Я выхватилъ шашку, изъ-за моего плеча высунулось дуло винтовки вѣстового и послышалось щелканье затвора. Все это было дѣломъ одного мгновенія. Крикъ повторился и чьи то руки обхватили мою ногу; я размахнулся шашкой, но... къ моему великому счастью ударъ не пришелся по тому, въ кого я мѣтилъ, — послышался трескъ и шашка остановилась, ударившись концомъ обо что-то деревянное на высотѣ около полутора аршинъ отъ земли. Вырвавъ ногу изъ рукъ державшаго, я сдѣлалъ шагъ назадъ, дверь захлопнулась и послышались стоны и жалобныя рыданія.

Стоны въ заброшенной фанзѣ показались странными. Я вытащилъ карманный электрическій фонарь и съ фонаремъ въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой снова открылъ дверь и вошелъ въ фанзу.

При свѣтѣ электрической лампочки глазамъ представилось довольно странное зрѣлище. Сейчасъ же за дверью лежалъ на землѣ старикъ китаецъ и жалобно стоналъ; поперекъ входа, наискось, стояло нѣсколько жердей. Жерди эти и спасли старика отъ удара моей шашки. Старикъ, снова обхвативъ мою ногу, началъ что-то такое говорить по китайски. Вѣстовой поднялъ его и, посадивъ на канъ, сталъ разспрашивать на китайско-русскомъ жаргонѣ. Изъ разспросовъ оказалось, что старикъ, не пожелавъ разстаться съ роднымъ очагомъ, отказался послѣдовать за своей семьей въ Чифу и теперь умиралъ отъ голода. У насъ съ собой было два хлѣба. Минеры сейчасъ же принесли ихъ и положили старику на колѣни. Китаецъ такъ былъ взволнованъ, что зарыдалъ какъ ребенокъ.

Оставивъ старику хлѣбъ, мы вышли; въ этой фанзѣ зарядовъ оставлять нельзя было, китаецъ могъ зажечь огонь и произошелъ бы взрывъ. Выбравъ другую болѣе уцѣлѣвшую фанзу, мы сложили туда весь матеріалъ и, забивъ дверь, вышли.

Бой продолжался; крики „банзай“ и „ура“ сливались въ одинъ общій вой. Съ горки отъ Соловьева пробѣжали двое къ позиціи Ерофѣева съ просьбой о поддержкѣ. На мой вопросъ о положеніи дѣлъ, они сообщили, что маленькая сопка лѣвѣе горки, у моря, уже взята.

Справа деревушки со стороны японцевъ появилась небольшая кучка людей и молча стала прибли-

жаться къ мѣсту, гдѣ мы пріютились отъ пуль. Въ блѣдномъ свѣтѣ начавшей подыматься неполной луны трудно было различить, японцы это, или наши. На всякій случай я велѣлъ зарядить винтовки и, притаившись въ тѣни забора, стали ожидать. Люди шли скорымъ шагомъ и черезъ минуты двѣ были около насъ. На мой вопросъ, откуда идутъ и куда, они доложили, что ихъ послалъ шт.-капитанъ Соловьевъ въ тылъ за патронами.

Задерживать ихъ я не смѣлъ болѣе и они быстро удалились. Сумѣли ли они доставить патроны, трудно сказать; двое уже на дорогѣ были ранены и еле тащились.

Сидѣть подъ заборомъ и ждать окончанія боя становилось безцѣльнымъ. Рѣшивъ рискнуть, приказалъ я людямъ сѣсть каждому на свою двуколку, въ карьеръ проскакать обстрѣливаемую полосу дороги до крайнихъ окоповъ Ерофѣева и повернуть въ тылъ. Минеры, перекрестившись, сѣли на дно двуколокъ и другъ за другомъ на дистанціи 20 — 25 сажень помчались. За послѣдней двуколкой поскакали я и вѣстовой.

Первыя три двуколки проскакали благополучно и, повернувъ вправо за горку, взяли курсъ по безопасной дорогѣ прямо на Ляотешанъ. Но съ четвертой двуколкой случилось несчастье: лошадь, испугавшись пуль, стала биться и задняя нога попала сверху оглобли; пришлось подъ градомъ пуль выпрягать и снова впрягать.

Вскорѣ мы благополучно путешествовали подъ отрогами Ляотешана, взявъ значительно правѣе отъ нашего прямого пути, чтобы скрыться за складками мѣстности.

Около 5 часовъ, наконецъ, добрались мы домой, исколесивъ всю подошву Ляотешана.

ГЛАВА 10-ая.

Утромъ оказалось, что Соловьевъ на своей горкѣ удержался, но лѣвую сопочку потерялъ.

Теперь уже не было возможности ограждать лѣвый флангъ Соловьева и я рѣшилъ оставленные въ фанзѣ заряды употребить на усиленіе позиціи Ерофѣева. Съ этой цѣлью черезъ день мы отправились снова.

Пріѣхавъ къ поручику Ерофѣеву, я отправилъ двуколки за оставленнымъ въ фанзѣ матеріаломъ; часа черезъ полтора все было привезено и сгружено на позиціи Ерофѣева. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ не пришлось работать. Соловьевъ рѣшилъ брать свою сопку обратно и вскорѣ снова пули засвистали

по всѣмъ направленіямъ. Работать подъ пулями, когда можно было этого избѣгнуть,—казалось мнѣ нерациональнымъ и я рѣшилъ отложить, тѣмъ болѣе, что Соловьевъ могъ отбить сопку обратно и тогда нужно было бы сначала укрѣпить ее, а потомъ уже лежавшую въ ея тылу позицію Ерофѣева.

На этотъ разъ мы временно укрылись въ фанзѣ поручика Ерофѣева. Пули пронизывали камышевую крышу фанзы. Когда перестрѣлка нѣсколько поутихла, мы спустились обратно домой.

До 16-го числа сюда вернуться мнѣ не удалось, лабораторія была важнѣе и приходилось все время бѣгать по дѣламъ относительно бомбъ, „Самсона“ и пр. За этотъ промежутокъ времени была взята горка Соловьева (самъ онъ погибъ). Японцы, видимо пронюхавъ, гдѣ были минированныя мѣста, успѣшно ихъ обошли, даже не воспользовавшись столь удобнымъ подступомъ, какъ водомоина, хотя на самой горѣ все-таки наткнулись на три мины и взорвались.

16-го вечеромъ около 8 часовъ мы снова прибыли къ Ерофѣеву. Дождавшись темноты, вышли на работу. На горкѣ Соловьева и на его же лѣвой сопкѣ уже сидѣли японцы.

Какъ я выше говорилъ, позиціи Соловьева и Ерофѣева были другъ другу параллельны, упираясь своими флангами въ море. Раздѣлявшее позиціи пространство представляло собою гладкую площадку солеварень, шириною около 250 шаговъ. Съ лѣваго фланга площадь эта замыкалась утесомъ. Такимъ образомъ, позиція Ерофѣева была похожа на печатную букву Г, у которой длинная черта была направлена съ востока на западъ, а короткая—съ юга на сѣверъ. Передъ концомъ короткой черты находилась сопка Соловьева, на которой сидѣли японцы. И мало того что сидѣли, они еще спустились внизъ и у самаго конца утеса поставили секретъ.

Согласно просьбѣ поручика Ерофѣева, я рѣшилъ разставить мины вдоль этой буквы Г и заградить узкій проходъ между концомъ утеса и горкой Соловьева. Этотъ крайне опасный для утеса подступъ входилъ въ непосредственную связь съ траншеями непріятеля, уже успѣвшаго, какъ кротъ, изрыть горку Соловьева.

Мины приходилось устанавливать на столько близко, что добраться до мѣста постановки иначе какъ ползкомъ нельзя было, а разговаривать приходилось шепотомъ. Мягкій влажный песокъ не издавалъ никакого звука и быстро поддавался лопатѣ. Минеровъ у меня было всего семь; старшимъ былъ тотъ же унтеръ-офицеръ Осиповичъ. Вообще, люди были на подборъ. Стрѣлки, стоя на колѣняхъ, лихорадочно

выкапывали ямы, а минеры разносили къ ямамъ заряды и приспособленія.

Часа черезъ полтора отъ начала работы мины у конца утеса были поставлены. Приступили къ постановкѣ вдоль солеварень. Но тутъ снова случился непріятный пассажъ. Только что мы успѣли заложить заряды, какъ одинъ за другимъ раздались залпы японцевъ съ горы Соловьева. Ерофѣевъ быстро исчезъ со своими стрѣлками и мы остались между двухъ огней—японскаго и своихъ, а между тѣмъ намъ еще нужно было поставить взрывное приспособленіе, сростить концы проводовъ, т. е. оставалась самая опасная работа ибо отъ торопливости или недостаточной осторожности могъ произойти взрывъ. Но какая же осторожность, когда спереди лупятъ японцы, а сзади свои; если пойдешь влѣво или попадешь въ море или подъ пули съ утеса, а вправо,—опять пули. Положеніе было довольно непріятное и усугублялось оно еще тѣмъ, что на горкѣ Соловьева японцы шевелились и спускались внизъ, собираясь на штурмъ, а отъ насъ до подошвы горки было не болѣе 250 шаговъ. Несмотря на это, я рѣшилъ хоть на послѣдокъ насолить японцамъ и приказалъ работу продолжать. Минеры все время продолжали работать, ихъ нѣсколько озадачило лишь стремительное исчезновеніе „нашей охраны“ стрѣлковъ въ свои окопы. Я торопилъ своихъ молодцовъ, благо минъ оставалось всего пять. Съ изумительнымъ хладнокровіемъ проворно дѣлали они свое дѣло, не обращая вниманіе на свистъ, цыканье и шипѣнье пуль. Вѣстовой мой съ самаго начала, по моему приказанію, сѣлъ верхомъ и увелъ лошадей въ тылъ къ фанзѣ Ерофѣева. Минутъ черезъ сорокъ все было готово, но и японцы были близко; при свѣтѣ луны они были ясно видимы. Поднявшись съ земли, мы гуськомъ побѣжали къ морю въ узенькій проходъ между лѣвымъ краемъ горки Ерофѣева и утесомъ *). Бѣжали мы пригнувшись и пули надъ нашими головами отрывисто пѣли: „ст..., ст..., ст...“. Спустившись въ лощину сзади горы, мы очутились въ безопасности. Тутъ же недалеко была и фанза Ерофѣева. Зайдя туда, мы заварили чай и напились горячаго чаю, заѣдая его чернымъ хлѣбомъ.

Время отъ времени Ляотешанъ ревѣлъ и 10 пудовые снаряды съ воемъ пролетали надъ нашими головами къ японцамъ и съ трескомъ тамъ разрывались.

---

*) Обороной утеса завѣдывалъ волонтеръ, бывшій техникъ г. Тадеушъ Левинскій. Утесъ былъ его дѣтищемъ. Г. Левинскій былъ извѣстенъ по своей поѣздкѣ къ генералу Куропаткину, а по возвращеніи два раза пробирался въ тылъ японцевъ на развѣдки.

Около трехъ часовъ ночи атака прекратилась, японцы были отбиты и мы двинулись домой.

Работа эта мнѣ особенно памятна тѣмъ, что при возвращеніи какая то шальная японская пуля пробила мнѣ голенищу сапога немного ниже икры, не задѣвъ ноги, и впослѣдствіи, послѣ сдачи крѣпости, когда насъ заставили ночевать въ деревнѣ подъ Ляотешаномъ, именно тамъ, гдѣ пуля пробила мой сапогъ, на ночлегѣ японскіе кавалеристы, укравъ у меня лошадь съ сѣдломъ и вьюкомъ, украли и эту самую голенищу. (Сапоги обтрепались, а голенищу я отрѣзалъ и хранилъ, какъ воспоминаніе).

ГЛАВА 11-я.

Съ 20-го октября снова наступило затишье и японцы снова стали приближаться сапой и начали веденіе минныхъ галерей противъ фортовъ II-го и III-го.

Время тянулось въ небольшихъ вылазкахъ съ цѣлью уничтоженія работъ противника, подготовкѣ второй линіи обороны и до ноябрьскихъ штурмовъ Высокой никакого крупнаго событія не произошло.

Положеніе крѣпости было крайне тяжелое, снарядовъ не было (былъ отданъ приказъ командирамъ батарей въ день выпускать не болѣе 5 снарядовъ). Жизненные припасы изсякли и настала непомѣрная дороговизна. Напримѣръ, селедка въ магазинѣ Соловья въ Новомъ городѣ полтора рубля. Ходили слухи, что въ Интендантствѣ есть запасы всякой всячины, но по какимъ то соображеніямъ не давали. А то, что выдавали, приходилось получать съ такими затрудненіями и проволочками, что многіе предпочитали заплатить въ десять разъ дороже, да получить во время. Напримѣръ, если офицеръ желалъ что-либо получить изъ Интендантства, онъ долженъ былъ подать рапортъ съ перечисленіемъ желаемаго. Командиръ части, составивъ требованіе, посылалъ его крѣпостному Интенданту и проходило двѣ, три недѣли пока получался отвѣтъ о разрѣшеніи отпуска. Иногда офицеры выписывали себѣ что-либо такимъ порядкомъ, но очень часто случалось, что разрѣшеніе объ отпускѣ желаемаго не заставало въ живыхъ выписывавшаго.

Теперь исключительно питались кониной. Консервы выдавались въ недѣлю разъ. Овощей абсолютно не было ни въ какомъ видѣ. Въ медикаментахъ стали ощущать большой недостатокъ; цынга прогрессивно увеличивалась, средствъ-же борьбы съ нею не было. Лимонная кислота употреблялась только въ госпиталяхъ, лукъ и чеснокъ были непомѣрно дороги.

Госпитали наполнялись все больше и больше. Нижніе чины ходили въ отрепьяхъ, сапогъ почти не

было. Говорили, что въ Интендантствѣ есть, да берегутъ на черный день.

Здѣсь считаю умѣстнымъ упомянуть одинъ характерный фактъ, прекрасно иллюстрирующій насколько заѣла насъ рутина и привычка къ указкѣ бумажки, что даже въ Артурѣ, въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ безъ цѣлаго ряда бумагописаній не было возможности чего либо добиться.

На минной станціи батареи лит. „Д“ у меня было два стрѣлка отъ роты, стоявшей на V-мъ форту. Стрѣлки эти были даны въ помощь начальнику минной станціи для наблюденія за линіей фугасовъ отъ батарей къ V-му укрѣпленію. Фугасы были взрываемые по желанію съ автоматическимъ замыкателемъ. На ночь батарея не замыкалась во избѣжаніе несчастнаго случая съ находящимися на сторожевомъ охраненіи войсками и на обязанности этихъ двухъ стрѣлковъ лежало ночное наблюденіе за линіей впереди фугасовъ. Въ случаѣ наступленія и отхода нашихъ секретовъ эти стрѣлки должны были дать знать на станцію, чтобы замкнуть цѣпь. Такимъ образомъ, каждую ночь они дежурили впереди линіи фугасовъ. Въ одинъ прекрасный день, заѣхавъ на минную станцію, я замѣтилъ, что одинъ изъ этихъ стрѣлковъ лежитъ въ блиндажѣ подъ одѣяломъ. Думая, что онъ боленъ, я спросилъ что съ нимъ, но оказалось, что не боленъ, а... совершенно нагъ и лежитъ подъ одѣяломъ, ибо ему нечего надѣть. Изъ подробныхъ распросовъ я узналъ, что у этихъ двухъ несчастныхъ стрѣлковъ остался одинъ только комплектъ одежды и когда одинъ изъ нихъ куда-либо уходитъ, другой долженъ лежать голымъ подъ одѣяломъ въ продувающемъ со всѣхъ сторонъ на верху горы блиндажѣ; и это при холодной морозной погодѣ конца октября.

Съ мѣста же я поѣхалъ къ командиру его роты на V-мъ форту. Штабсъ-капитанъ этотъ отвѣтилъ, что дѣло это ему извѣстно, ибо стрѣлки уже обращались къ нему, но онъ самъ помочь горю не можетъ, у него ничего нѣтъ, надо обратиться въ полкъ. На мою просьбу поскорѣе устранить этотъ вопіющій фактъ, онъ сообщилъ, что самъ уже разъ обращался въ полкъ, но пока отвѣта нѣтъ. Но всетаки обѣщалъ похлопотать.

Дня черезъ три я освѣдомился, оказалось, что дѣло въ томъ-же положеніи: несчастные стрѣлки поочередно голые дрожатъ въ холодномъ блиндажѣ. Написавъ требованіе на желѣзную печку, послалъ я бывшаго въ моемъ распоряженіи молодого человѣка къ полковнику Дубицкому въ городъ и велѣлъ немедленно печку доставить на литеру „Д“ на станцію, а самъ

отправился въ поиски за завѣдывающимъ хозяйствомъ этого полка.

Проѣздивъ три слишкомъ часа, я его не нашелъ. Вернувшись домой написалъ оффиціальное письмо, но и это не помогло. Вѣстовому на словахъ отвѣтили, что пусть войдутъ съ ходатайствомъ письменно въ законномъ порядкѣ.

Не будучи зѣло искусенъ въ приказной мудрости, отвѣтъ этотъ я счелъ весьма дикимъ и написалъ рапортъ съ подробнымъ изложеніемъ дѣла на имя полковника Ирмана. Рапортъ мой пошелъ гулять по канцеляріямъ, а стрѣлки продолжали сидѣть, въ чемъ мать родила.

Кое какими правдами и неправдами удалось раздобыться бѣльемъ, фуфайками, отправить имъ, прибавивъ еще кое-что изъ своего гардероба, но полушубковъ, сапогъ, мундировъ никакъ не могъ я добыть. Прошло дня три; отвѣта не было. Потерявъ терпѣніе, я поѣхалъ къ генералу Кондратенко и доложилъ всю эту исторію. Генералъ, махнувъ рукой, посовѣтовалъ по пустякамъ не кипятиться и тутъ же велѣлъ написать записку на имя завѣдывающаго хозяйствомъ 28-го полка, съ приказаніемъ выдать мнѣ сапоги, обмундированіе и полушубки не только для этихъ стрѣлковъ, но для всей моей лабораторной команды. И въ этотъ же день я получилъ все нужное.

Въ началѣ ноября отъ Куропаткина была получена бумага, въ которой онъ ограничился лишь сообщеніемъ о своемъ отступленіи отъ Ляояна, не говоря ничего про выручку Артура. Сопоставляя это извѣстіе съ предыдущимъ послѣднимъ обѣщаніемъ „скорой и энергичной помощи къ 1-му сентября“, всѣмъ становилось ясно, что дѣла наши на сѣверѣ за полугодовой періодъ войны нисколько не подвинулись впередъ.

Въ этомъ отступленіи многіе видѣли геніальный замыселъ — уничтожить японскую армію такъ, какъ уничтожилъ Кутузовъ армію Наполеона въ 12-мъ году.

Какъ разъ въ это же время мы вернули японцамъ фамильную шашку ихъ принца, погибшаго при штурмахъ восточнаго фронта; въ обмѣнъ мы получили три тюка корреспонденціи, адресованной въ Артуръ и попавшей въ руки японцевъ. Многіе получили письма, газеты, гдѣ были свѣдѣнія относительно мѣръ, якобы для выручки Артура. Среди массы всякихъ новостей главную роль играло извѣстіе, будто Рождественскій въ августѣ былъ въ Индійскомъ океанѣ и будто какая то изъ Манчжурскихъ армій уже находится на сѣверѣ Квантуна. Послѣднее подтверждалось донесеніями китайскихъ шпіоновъ, по кото-

рымъ гора Самсонъ передъ Кинджоусской позиціей уже въ рукахъ русскихъ, собирающихся на дняхъ атаковать Кинджоу.

Хотя, очевидно, японцы разсортировали присланную корреспонденцію въ желательномъ для себя духѣ, хотя китайцы доносили намъ то, что имъ приказывалъ генералъ Ноги, тѣмъ не менѣе однако, всѣ эти съ ногъ сшибательныя извѣстія приносили огромную пользу, хотя находились правда скептики, упорно твердившіе, что все это глупости; но было много и такихъ легко электризующихся, экзальтированное воображеніе которыхъ рисовало картины боя у Кинджоу и съ Ляотешана очень часто доносили, что передъ Самсономъ видны разрывы шрапнели и слышна канонада.

Экзальтація — вещь заразительная, тѣмъ болѣе, что нервы у всѣхъ достигли наивысшей степени напряженія. Всѣмъ хотѣлось скораго и благополучнаго конца и потому всѣ вѣрили, что скоро, скоро придетъ Куропаткинъ и не сегодня—завтра на рейдѣ закачается Балтійская эскадра.

Подобныя надежды и вѣра тѣмъ болѣе были необходимы, что положеніе крѣпости день ото дня становилось безвыходнѣе и безвыходнѣе. Непрерывная бомбардировка не давала никому покоя. Особенно были ужасны 11-ти дюймовыя. Японцы, замѣтивъ недостатокъ ударныхъ трубокъ, видимо передѣлали ихъ и теперь всѣ снаряды рвались. Нѣчто ужасное были эти чудища. Одинъ разрывъ производилъ такое страшное разрушеніе, что даже трудно описать. Не удовольствовавшись ударнымъ дѣйствіемъ, японцы сдѣлали попытку рвать эти снаряды дистанціонной трубкой. Такихъ разрывовъ 11-ти дюймовыхъ въ воздухѣ на подобіе шрапнели мнѣ пришлось видѣть всего три (кажется больше и не было; по крайней мѣрѣ ничего не было слышно). 28-го октября около 5 часовъ вечера я ѣхалъ изъ Стараго Города къ полковнику Дубицкому. Покойный жилъ въ Новомъ Городѣ недалеко отъ Обелисковой Горы. День былъ ясный солнечный. Повернувъ по дорогѣ мимо городской гостиницы вправо, не успѣлъ я доѣхать до Русско-Китайскаго банка, какъ налѣво отъ меня вдали раздался взрывъ, но такой ужасный, что въ ушахъ ясно почувствовалось давленіе воздуха. Я оглянулся и глазамъ представилось нѣчто невиданное: на краю Новаго Города, у Рыжей горы въ воздухѣ на высотѣ 20—30 сажень отъ земли былъ огромный клубъ дыма молочнаго цвѣта. Очертанія клуба были не расплывчато-округленныя, какъ бываетъ обыкновенно, а рѣзко-прямыя остроконечно изрѣзанныя, на подобіе того, какъ рисуютъ молнію зигзагами. Солнечные лучи, пронизывая клубъ, окрашивали дымъ въ замѣчательно красивые

опаловые тона. Огромный молочно-бѣлый клубъ на фонѣ яснаго синяго неба, зигзагообразныя рѣзкія очертанія, разноцвѣтные переливы, начиная отъ темно-краснаго и кончая свѣтло-зеленымъ были столь красивымъ зрѣлищемъ, что совершенно забывалась причина появленія этого дыма и являлось невольное желаніе, чтобы клубъ продержался подольше. Но не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ раздался новый взрывъ и около перваго клуба появился второй, а вскорѣ и третій. Подъѣхавъ къ Русско-Китайскому банку, я увидалъ трехъ стрѣлковъ что-то усердно выкапывавшихъ изъ земли японскими штыками и пальцами. На мой вопросъ они сообщили, что сюда зарылся осколокъ отъ снарядовъ, разорвавшихся у Рыжей Горы на воздухѣ, и имъ любопытно его посмотрѣть. Меня это тоже заинтересовало, я пріостановился. Наконецъ съ большими усиліями вытащили осколокъ; это была цѣлая глыба около 3 пудовъ съ лишнимъ вѣсу. Она была такая горячая, что держать въ рукахъ не было возможности. Какова была сила взрыва, когда осколокъ, вѣсомъ въ три пуда швырнуло на версту съ лишкомъ, да еще зарыло въ скалистый грунтъ почти на два фута!

Доѣхавъ до полковника Дубицкаго, я узналъ, что разрывомъ этихъ трехъ снарядовъ убило двухъ стрѣлковъ, подвернувшихся какъ разъ подъ разрывъ. Но особенно ужасное разрушеніе производили эти снаряды при паденіи въ зданія.

Старый городъ весь былъ разрушенъ, уцѣлѣли только дачныя мѣста подъ электрическимъ утесомъ, да нѣкоторыя дома въ раіонѣ новаго китайскаго города: домъ генерала Стесселя, инженерное Управленіе и т. п.

Во время бомбардировки, много публики укрывалось въ трубѣ у казармъ 9-го полка. У этихъ казармъ былъ оврагъ, во время дождей служившій водостокомъ. Оврагъ этотъ пересѣкался шоссе, идущимъ мимо госпиталя Маріинской общины. Переходъ шоссе черезъ оврагъ былъ сдѣланъ посредствомъ прочной широкой каменной трубы съ солидной сверху насыпью. Когда снаряды начинали очень назойливо выть и ревѣть въ Старомъ городѣ, публика бѣжала въ трубу. Страхъ нивеллировалъ разницу соціальнаго положенія, пола и возраста: были тутъ и чиновники, и извозчики, и бабы и дамы, и дѣти и взрослые.

Въ хорошую погоду еще бывало ничего, ѣли, пили, разговаривали, шутили, острили, смѣялись; но когда бывалъ дождь, то положеніе становилось крайне плачевнымъ: вылѣзти наверхъ,—значитъ, попасть подъ снаряды; сидѣть въ трубѣ — нужно было купаться въ грязномъ холодномъ потокѣ.

ГЛАВА 12-ая.

Новый городъ былъ тоже не въ лучшихъ условіяхъ: снаряды сыпались въ томъ же изобиліи и смерть и ужасъ были тѣ же.

Но чѣмъ больше разрушалась крѣпость, чѣмъ больше ухудшалось положеніе гарнизона, чѣмъ больше слабѣли его физическія силы, тѣмъ больше и больше укрѣплялся его духъ.

Твердое сознаніе долга стало достояніемъ всѣхъ; отстоять Артуръ во что бы то ни стало — стало дѣломъ чести каждаго.

Неизбѣжной темой разговоровъ были текущія событія. Много высказывалось догадокъ, чѣмъ кончитъ свою исторію Артуръ. Одни твердили, что рано или поздно насъ освободятъ, а другіе говорили, что въ концѣ концовъ насъ возьмутъ силой. Одно лишь было намъ ясно, что безралично возьмутъ ли японцы силой, или же Куропаткинъ освободитъ, все равно, — это случится такъ не скоро, что къ тому времени, вѣроятно, изъ 30 тысячъ гарнизона останется три тысячи. И вотъ многіе говорили, что счастливцы будутъ тѣ, кто, переживъ всю эту эпопею, вернется въ Россію. Какъ будутъ ихъ встрѣчать, какія устроятъ имъ овваціи, какой они славой и почетомъ будутъ пользоваться и т. п. Никто и не сомнѣвался, что въ данное время въ Россіи подробно было *извѣстно, какіе мы ужасы переживаемъ* и какъ намъ тяжело. Грустное заблужденіе!...

Наступили такія времена, что цѣна жизни стала равной нулю. Никто о жизни не думалъ, ею не дорожилъ. Помню такой фактъ. Полковникъ Ирманъ вызвалъ меня для совѣта о постановкѣ минъ на пятомъ форту. Пріѣхавъ въ Штабъ, я засталъ публику уже за обѣдомъ. Погода стояла чудная и обѣдали въ большой длинной палаткѣ у штабного флигеля. Мѣсто это японцамъ съ Длинной горы хотя не было видно, но они знали, что тамъ Штабъ и иногда обстрѣливали. За столомъ сидѣли: Ирманъ, Третьяковъ, Романовскій, Бенуа, Гобято, Дешинъ, Баумъ, Гюнтеръ, Сыромятниковъ, Васильевъ, Григорьевъ и много другихъ офицеровъ, всего человѣкъ двадцать. Только что подали супъ, какъ загудѣлъ гдѣ то выстрѣлъ и чернякъ жмякнулся въ оврагѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ нашей палатки; вслѣдъ за первымъ прилетѣлъ второй, третій; осколокъ пробилъ палатку и попалъ кому то изъ прислуги въ ногу. Но никто съ мѣста не тронулся, никто разговора не прекратилъ, какъ будто это былъ такой пустякъ, что замѣчать не стоило. Прошло минутъ пять. Не успѣли тарелки опустѣть, какъ надъ палаткой завизжала шрапнель и нѣсколько пуль по-

пало офицерамъ въ тарелки съ недоѣденнымъ вермишелевымъ супомъ. Японцы, видимо, забавлялись: каждыя три-четыре минуты пускали то шрапнель, то 47 милиметровые морскіе снаряды, то 57 милиметровые. Но обѣдъ не былъ прерванъ, всѣ продолжали обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало и не только высидѣли до тѣхъ поръ, покуда было съѣдено второе блюдо, но, послѣдовавъ примѣру полковника Ирмана, потребовавшаго себѣ бутылку краснаго, разбились по кучкамъ и подъ грохотъ разрывовъ и визгъ осколковъ чокались другъ съ другомъ и, какъ вызовъ судьбѣ, желали другъ другу здоровья и удачи.

При такихъ условіяхъ приходилось жить, а не только сражаться, въ концѣ октября и началѣ ноября. Что же было позже, — увидимъ дальше.

17-го ноября японцы начали атаки противъ Высокой. Штурмъ длился до 21-го, когда мы отступили съ этой позиціи. На этотъ разъ, пользуясь полнымъ недостаткомъ снарядовъ на нашихъ батареяхъ и наученные горькимъ опытомъ сентябрскихъ штурмовъ этой же горы, атаку не вели такой массой пѣхоты, какъ раньше, а брали силой огня; послѣ отчаянной безпримѣрной бомбардировки въ теченіе 5—6 часовъ, выбивали весь гарнизонъ и пускали въ атаку нѣсколько баталіоновъ, которые занимали уже опустѣвшіе окопы.

Защитники горы гибли сотнями, санитары не успѣвали уносить тяжело раненныхъ.

Коменданты выбывали изъ строя каждые 4—5 часовъ; гора нѣсколько разъ переходила въ руки японцевъ, но благодаря самоотверженію безвѣстныхъ сѣрыхъ героевъ, безропотно погибавшихъ за честь Родины, снова переходила въ наши руки, и снова начиналась бѣшенная бомбардировка.

Первые три дня атаки мнѣ въ Штабъ попасть и на гору посмотрѣть не удалось, — въ лабораторіи работа шла круглые сутки безъ перерыва: для Высокой готовилась спеціальная партія новыхъ ручныхъ бомбъ съ 25 фунтовымъ зарядомъ.

ГЛАВА 13-ая.

Наконецъ наступилъ четвертый день ожесточеннаго боя за овладѣніе Высокой горы (203 метр.) Японцы бомбардировали гору нещадно: можно было подумать, что они рѣшили стереть ее съ лица земли. Сыпались снаряды всякихъ калибровъ и наименованій.

Изъ Штаба Западнаго фронта гора намъ видна была ясно; въ теченіе одной минуты однихъ одинадцатидюймовыхъ падало до 50 (бѣлый дымокъ при разрывѣ), а про шрапнель, шестидюймовые, другіе кали-

бры, огонь винтовокъ, пулеметовъ и говорить нечего: это былъ какой-то адъ; такъ и казалось, что тамъ даже воздухъ накаленъ отъ массы горячаго металла.

Въ бинокль ясно видны были отдѣльные люди; видно было, какъ бѣгомъ тащатъ патронные ящики, какъ подбираютъ и несутъ раненыхъ; видно, какъ бѣжитъ, бѣжитъ солдатикъ, да вдругъ закачается, вскинетъ руками и упадетъ; видно, какъ санитары, застигнутые пулей, или осколкомъ, падаютъ вмѣстѣ съ раненымъ, котораго уже несли на носилкахъ, и этотъ несчастный катится по крутому скату прямо въ оврагъ, подъ гору. Вся вереница этихъ окровавленныхъ живыхъ кусковъ мяса проходила мимо насъ, по дорогѣ въ госпитали.

Въ Штабѣ шло совѣщаніе: комендантъ горы капитанъ Стемпневскій донесъ, что необходимо возможно скорѣе прислать ему подкрѣпленіе: японцы выбили болѣе половины гарнизона на горѣ.

Но легко было сказать: нужно подкрѣпленіе. Откуда же его взять?

Генералъ Кондратенко сидѣлъ надъ планомъ и тщетно соображалъ, откуда бы урвать роту, двѣ, чтобы отправить на гору? Но гдѣ была хоть одна рота, не бывшая за послѣднія недѣли гдѣ-нибудь въ бою? Гдѣ была рота съ людьми бодрыми и здоровыми?

Напрасно ломалъ голову генералъ, — не было такихъ ротъ. Весь гарнизонъ — это полуживые отъ цынги или незажившихъ ранъ; лишь вѣрность долгу и сознаніе безвыходности положенія настраивали нервы такъ, что люди были способны еще ходить и драться.

Вѣдь безразлично было гдѣ умереть: не убьютъ на позиціи, умрешь отъ цынги въ госпиталѣ, гдѣ заживо будешь разлагаться, будешь видѣть, какъ цѣлые куски мяса отваливаются отъ ногъ, рукъ, какъ гніютъ десны и т. п. Смерть въ госпиталѣ несравненно страшнѣе смерти въ бою!

Наконецъ, рѣшили вытребовать роту съ крайняго праваго фланга, и телефонъ зазвонилъ, неся нерадостную вѣсть командиру роты. Ротѣ приходилось чуть ли не бѣгомъ бѣжать почти 20 верстъ и затѣмъ идти въ бой на горѣ.

Часа черезъ три съ половиной лишь могла прибыть рота. Генералъ самъ сталъ говорить по телефону съ комендантомъ горы, прося его удержаться, пока придетъ помощь.

Потянулось томительное ожиданіе... Послали еще просьбу морскому начальству: помочь намъ — прислать нѣсколько ротъ матросовъ.

Бой на горѣ продолжался; снаряды сыпались безъ

конца. Вдругъ донесли, что комендантъ тяжело раненъ и выбылъ изъ строя.

Сейчасъ же назначили другого изъ бывшихъ тутъ же въ Штабѣ офицеровъ. Попрощавшись съ нами, Штабсъ-капитанъ Бѣлозеровъ отправился туда, откуда не пришлось ему болѣе вернуться живымъ!

Черезъ полъ-часа новый комендантъ донесъ, что вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и проситъ прислать подкрѣпленіе возможно скорѣе, пбо японцы долѣзаютъ до правой сопки.

— Ждать прихода роты нельзя, — проговорилъ генералъ: — пошлите съ пятаго форта.

Спѣшно выступили оттуда три взвода (на форту оставилн гарнизонъ въ одинъ взводъ). Вскорѣ рота пришла. Генералъ выходитъ, здоровается и говоритъ нѣсколько простыхъ задушевныхъ словъ (покойный не любилъ громкихъ фразъ).

На сѣрыхъ, нахмуренныхъ, изможденныхъ лицахъ видна была тупая покорность судьбѣ и лишь глаза какъ-то ласково и жалостливо смотрѣли на любимаго генерала.

— Ну, съ Богомъ, братцы, — говоритъ генералъ, и самъ отворачивается. Онъ не могъ безъ боли видѣть покорныя лица этихъ безвѣстныхъ людей, большая часть которыхъ часа черезъ два будетъ мертвецами, а остальные окровавленные, искромсанные, стонущіе куски мяса.

Рота ушла...

Подошли санитары съ носилками, раненымъ капитаномъ Стемпневскимъ. Онъ былъ въ обморокѣ, голова перевязана. Солдатъ безсвязно объяснилъ: „Сказывали, будто шрапнель вдарила въ спину“. Полковникъ Т. съ грустью смотрѣлъ на тѣло одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ.

Съ самаго перваго боя этой войны неумолимая судьба вырывала изъ полка все лучшихъ и лучшихъ офицеровъ. Изъ 48 офицеровъ въ началѣ войны, къ 17 ноября осталось II.

Ушедшая рота вскорѣ вступила въ сферу огня; видно было, какъ колонна карабкается по кручѣ, стремясь скорѣе, скорѣе добраться до вершины: быть пассивной мишенью трудно; гораздо легче и самому стрѣлять, колоть, убивать. Видно было какъ колонна разбивается на кучки, какъ люди, пораженные осколкомъ или пулей, падаютъ и катятся внизъ. Число карабкающихся становилось все меньше и меньше. Пока голова роты дошла до перваго окопа, отъ роты осталась только половина, остальные погибли, пока лѣзли на гору.

На горѣ происходила какая то усиленная суматоха, наши выбѣгали изъ нижняго окопа и лѣзли

на правую верхушку; сверкнула на солнцѣ шашка офицера.

Прошло полъ-часа, суматоха стала уменьшаться, рукопашный бой какъ будто стихъ.

— Ваше Превосходительство, — доложилъ офицеръ, — комендантъ доноситъ, что японцы выбиты съ правой сопки, но сильно тѣснятъ правый флангъ горы.

— „Полковникъ Романовскій“—сказалъ генералъ,— „надо обстрѣлять подступы къ этому флангу“.

— Всеволодъ Васильевичъ,—обратился къ своему помощнику начальникъ артиллеріи фронта, - передайте на V-ый фортъ, чтобы обстрѣляли лѣвый флангъ горы.

— Да чѣмъ обстрѣлять,— съ отчаяніемъ воскликнулъ шт.-капитанъ Дешинъ, — вѣдь снарядовъ нѣтъ.

— Ну что же дѣлать, надо. Сколько снарядовъ у насъ есть еще на фронтѣ, — спросилъ подполковникъ Романовскій.

Дешинъ открывъ записную книжку сталъ громко читать:

— На V-омъ форту Канэ 6, къ старымъ шестидюймовымъ 13, на батареѣ № 1 Канэ 18, на Суворовской мортирной 43 и т. д.

— Велите выпустить 5 снарядовъ, — приказалъ подполковникъ.

Черезъ пять минутъ раздался оглушительный трескъ морского Канэ.

Японцы, замѣтивъ, что V-ый фортъ началъ обстрѣливать атакующія части, сейчасъ же на короткое время сосредоточили на немъ убійственный огонь. Казалось, что отъ форта ничего не останется.

— Вотъ если бы снарядовъ, — съ ожесточеніемъ восклицалъ наблюдавшій за разстрѣломъ V-го форта капитанъ Гобято, — и сосредоточить съ нѣсколькихъ пунктовъ на японскія батареи такой огонь, какъ вотъ они сейчасъ на форту, то разсказъ былъ бы иной.

— Ваше высокоблагородіе, съ Голубиной бухты передаютъ, что японскій резервъ сосредоточивается внизу, въ лощинѣ подъ лѣвымъ флангомъ Высокой,— прервалъ телефонистъ капитана Гобято.

— Николай Александровичъ, — обратился онъ къ подполковнику Романовскому, направляясь къ телефону, — надо съ V-го укрѣпленія и съ литеры Д. обстрѣлять, ничего не подѣлаешь, япошекъ слишкомъ много, рискнемъ еще на 5 снарядовъ.

— Ваше благородіе,—вопилъ телефонистъ адъютанту, — изъ штаба раіона спрашиваютъ о ходѣ боя.

Генералъ самъ подошелъ къ телефону переговорить съ генераломъ Стесселемъ.

Комендантъ горы снова потребовалъ прислать еще патроновъ и бомбочекъ.

— А сколько у насъ здѣсь есть бомбочекъ, — спросилъ полковникъ Ирманъ.

— Около двухъ тысячъ, — былъ отвѣтъ.

— Такъ пошлите ихъ всѣ и 10 двуколокъ съ патронами и попросите ко мнѣ поручика Мелика.

Услышавъ свою фамилію, я подошелъ. Генералъ спросилъ:

— Сколько сегодня можно дать бомбочекъ.

Я доложилъ, что готовыхъ есть шесть тысячъ и къ вечеру будутъ еще двѣ тысячи. Затѣмъ есть еще 60 штукъ двадцатипяти фунтовыхъ.

Генералъ приказатъ нарядить двуколки и перевезти всѣ въ Штабъ.

Телефонъ снова зазвонилъ; оказалось, что V-ый фортъ сообщаетъ, что на лѣвомъ флангѣ горы японцы по одиночкѣ дошли до верхней проволочной сѣтки, но всѣ убиты, а рота, что шла за ними, нарвалась на мины и бѣжала.

Меня снова позвали. Я доложилъ о взрывѣ минъ. Полковникъ Третьяковъ велѣлъ ихъ возобновить этой же ночью.

Тѣмъ временемъ рота, вытребованная съ праваго фланга, пришла. Люди еле дышали; устали, видимо, страшно; разрѣшено было четверть часа отдохнуть. Солдаты разсѣлись тутъ же среди дороги: кто курилъ, кто жевалъ захваченный съ собой хлѣбъ, а кто и лежалъ, закрывъ глаза, и быть можетъ, вспоминалъ далекую родину и близкихъ своихъ.

Донесенія съ горы становились нѣсколько утѣшительнѣе: японцы перестали лѣзть и вершина горы вся была въ нашихъ рукахъ. Непріятель, видимо, усталъ. Слѣдующій штурмъ можно было ожидать не ранѣе наступленія ночи. Въ штабѣ шла лихорадочная работа: отправлялись приказанія о присылкѣ мѣшковъ, для починки окоповъ разрушенныхъ дневной бомбардировкой; подвозились патроны, бомбочки, лопаты, ломы, кирки, дѣлались распоряженія о перевозкѣ съ дальнихъ батарей снарядовъ на V-ый фортъ, V-ое укрѣпленіе и вообще пункты, способные обстрѣлять подступы къ Высокой.

Время стало клониться къ обѣду, былъ уже двѣнадцатый часъ. Японская артиллерія продолжала громить злополучную гору, но нѣсколько слабѣе; стрѣляли не всѣ батареи, вѣроятно, часть артиллеристовъ обѣдала.

Нашимъ несчастнымъ защитникамъ тоже послали обѣдъ на гору.

Полковникъ Третьяковъ, остановивъ проѣзжавшую мимо походную кухню, хотѣлъ попробовать пи-

щу. Ѣздовой откинулъ крышку котловъ со щами и кашей. Боже, что за щи были. Полфунта конины на брата, воды, уксусу, немного муки и крѣпкихъ, какъ камень китайскихъ бобовъ, — это называлось щи. Каша была не лучше: гречневой крупы не было; вмѣсто нея — рисъ, а вмѣсто сала — скверное масло. Попробовавъ, полковникъ отвернулся и поморщился. И такая была пища въ его полку, когда онъ не жалѣлъ никакихъ средствъ, чтобы улучшить пищу своимъ стрѣлкамъ.

— Ваше высокоблагородіе, кушать готово,—прервалъ думы командира унтеръ изъ собранія.

— Ваше превосходительство, пожалуйте немного закусить, обратился полковникъ къ генералу.

Публика двинулась въ столовую.

А раненыхъ несли и несли.

— Ну, что, докторъ, — спросилъ полковникъ Ирманъ нашего врача, — сколько сегодня прошло черезъ вашъ пунктъ раненыхъ.

Докторъ сталъ вздыхать и горестнымъ тономъ сообщилъ:

— Сегодня съ 5 часовъ утра прошло 615 человѣкъ.

Докторъ этотъ былъ симпатичный, огромнаго роста толстякъ. Публика острила, что, если придетъ Куропаткинъ, то доктора надо спрятать подальше, а то онъ никогда не повѣритъ, что мы голодали, при видѣ такого полнаго господина.

— Ну, что, сосѣдушка, закусимъ, — обращается докторъ къ своему визави — полковому священнику.

— Закусимъ, — соглашался собесѣдникъ, выпивъ рюмку водки, да закуска плоха. (Священникъ съ утра до обѣда хоронилъ убитыхъ).

На столѣ въ тарелкахъ видны были только бѣлые кружки нарѣзанной горькой рѣдьки, — это и называлось „закуска“ къ водкѣ.

Посыпавъ солью, съ кускомъ чернаго хлѣба, офицерство быстро уплетало это лакомство.

— Михаилъ Николаевичъ, — обращается поручикъ Сыромятниковъ къ хозяину собранія, — вы бы насъ хоть акулькой покормили.

— Я говорилъ китаезамъ, они обѣщали, если поймаютъ акулу или другую рыбу, намъ доставить, да дорого дерутъ, канальи, — по полтиннику фунтъ,— слышенъ отвѣтъ поручика Васильева.

— А что, супъ сегодня изъ „концертовъ“ будетъ — спрашиваетъ полевой артиллеристъ поручикъ Гюнтеръ солдата, подающаго ему миску съ супомъ.

— Никакъ нѣтъ, изъ ослятины,—отвѣчаетъ тотъ.

— А на второе что,—продолжаетъ свой допросъ поручикъ Г., наливая себѣ супъ.

— А на второе тоже жареный оселъ.

— Ну, это еще ничего,— бормочетъ поручикъ,— все-таки лучше старой лошади, или тощаго мула.

— Если дастъ Богъ, Куропаткинъ придетъ, то первымъ дѣломъ, какъ поѣду въ приличный городъ, пойду въ баню и закажу себѣ шикарный обѣдъ, — слышится чей-то голосъ съ музыкантскаго конца стола.

— Да, а вѣдь пожалуй, скоро насъ освободятъ. Вотъ китайцы болтаютъ, что у Самсона русскіе, а чтобы отъ Самсона до Дальняго дойти съ боемъ надо максимумъ двѣ недѣли,—философствуетъ поручикъ С.

— Все это прекрасно, говоритъ капитанъ Г., — надо сначала остоять Высокую, а тамъ... что Богъ дастъ.

— Если бы были снаряды, это было бы пустяки, — вставляетъ поручикъ Г.

— А какъ отливка идетъ у васъ, Леонидъ Николаевичъ, — обращается онъ къ капитану Г.

— Японцы работать не даютъ, день и ночь громятъ они портъ. Несчастнымъ литейщикамъ работать приходится подъ огнемъ одинадцатидюймовокъ. Да и вообще отливка и заготовка снарядовъ требуетъ спеціалистовъ и особыхъ приспособленій, а при наличныхъ средствахъ въ сутки болѣе 40—50 штукъ не выработаешь, — отвѣчаетъ капитанъ Г.

— Ну, ваши снаряды намъ чуть жизни не стоили, — вставляетъ шт.-капитанъ Д.

— Да, отъ орудія одни куски лафета остались, все разнесло вдребезги, и какъ я уцѣлѣлъ; прямо чудомъ какимъ-то.

— Ну, а какъ стрѣльба минами, — спрашиваетъ докторъ большой любитель минъ, фугасовъ, бомбъ и всякихъ такихъ вещей.

— Ничего, на дняхъ ночью очень удачно стрѣляли на правомъ флангѣ. Какъ запустили мину въ самый окопъ къ японцамъ, такъ отъ нихъ пухъ и перья такъ и поднялись вверхъ, а остальные бѣжали изъ окопа, — сообщаетъ капитанъ Г.

А на томъ концѣ стола, гдѣ сидятъ генералъ и полковники, дѣлаются соображенія, какъ бы отстоять гору; вспоминаютъ, всѣ ли испробованы средства, не забыли ли чего нибудь.

— Ну, адмиралъ, — обращается поручикъ Г. къ мичману Г., офицеру завѣдывающему пулеметами фронта, — признайтесь, много погибло отъ вчерашняго пожара въ порту консервовъ. Мнѣ говорили, что кромѣ консервовъ тамъ было много масла, сапогъ и всякаго добра.

— Богъ ихъ знаетъ, вѣдь все это въ рукахъ портовыхъ чиновниковъ. Сколько я ни хлопоталъ, чтобы

для своихъ пулеметчиковъ-матросовъ достать консервовъ, масла,—мнѣ все говорили, что нѣтъ, а вчера я слышалъ, что много погибло отъ пожара, — отвѣчаетъ морякъ.

Тѣмъ временемъ обѣдъ кончился. Докторъ пошелъ на перевязочный пунктъ смѣнить коллегу. Капитанъ Г. отправился приготовлять мины къ предстоящей стрѣльбѣ; шт.-капитанъ Д. опять отправился къ телефонамъ, а остальные офицеры разбрелись по комнатамъ, стараясь хоть часокъ отдохнуть, набраться силъ для предстоящей ночной работы.

Остались сидѣть только генералъ и полковники и, разложивъ передъ собою планы, снова погрузились въ безконечныя комбинаціи передвиженія войскъ, чтобы, подкрѣпить къ ночи гарнизонъ горы, зная почти навѣрное, что японцы ночью снова поведутъ упорную атаку.

Въ теченіе обѣда нѣсколько разъ получались съ горы и сосѣднихъ позицій донесенія о передвиженіяхъ противника. Но что дѣлать, когда нечѣмъ было обстрѣлять эти надвигающіяся впередъ резервы: снаряды береглись для отраженія штурма.

Японцы прекрасно знали о недостаткѣ у насъ снарядовъ и не стѣснялись передвигать свои резервы открыто.

Бомбардировка горы продолжалась, продолжалась и убыль защитниковъ. Каждый снарядъ уносилъ нѣсколько человѣкъ раненными или убитыми. Блиндажи не спасали. Да и какой блиндажъ можетъ противустоять одинадцати-дюймовому снаряду, зарывающемуся въ каменистый грунтъ чуть ли не на 1,5 сажени. Послѣ сентябрьскихъ штурмовъ были построены блиндажи, непробиваемые для шестидюймовыхъ бомбъ, но тогда никто не воображалъ, что могутъ появиться такія чудища, какъ одинадцати-дюймовыя бомбы вѣсомъ до 25 пудовъ.

На перевязочномъ пунктѣ шла непрерывная работа (это второй перевязочный пунктъ). Дай Богъ всего лучшаго сердобольнымъ барынямъ: изъ города прислали краснаго вина и папиросъ. Бѣдные раненые, кто можетъ, съ наслажденіемъ пьетъ стаканъ вина или куритъ папироску. Вѣдь многимъ за послѣднее время курить приходилось очень рѣдко: въ магазинахъ простой табакъ весь вышелъ, а пожертвованнаго 3 — 4 рублеваго табаку на всѣхъ не хватало. На перевязочномъ пунктѣ работали два доктора и три фельдшера и едва поспѣвали.

А что дѣлалось въ госпиталяхъ? Чисто вавилонское столпотвореніе. Вестибюль госпиталя (въ зданіи городской гостиницы) былъ полонъ ранеными. Раненыхъ, принесенныхъ на носилкахъ, такъ и ставили на

полъ. Повернуться — негдѣ. Стояло носилокъ двадцать, да легко раненыхъ, пришедшихъ на своихъ ногахъ или въ двуколкахъ, — тоже не менѣе тридцати. Тутъ-же болтались санитары, пришедшіе съ ранеными, и сбѣжавшіе сверху выздоравливающіе (ихъ страшно интересуетъ бой, судьба товарищей, результаты боя). Тѣ, что въ носилкахъ,—большинство безъ чувствъ. Двѣ сестры и четыре фельдшера не въ состояніи справиться. Одинъ съ ножницами только и знаетъ, что рѣжетъ штаны, мундиры, сапоги и проч., чтобы извлечь опухшее, окровавленное ноющее тѣло несчастнаго изъ стѣсняющей и ненужной теперь одежды.

А сколько пыли, грязи, міазмовъ было въ одеждѣ, которая не снималась цѣлые мѣсяцы, и бѣльѣ, которое не стиралось за недостаткомъ мыла съ августа, а теперь, вѣдь, былъ уже ноября конецъ!

Сколько ранъ заражается, гніетъ, благодаря кусочкамъ одежды, попавшимъ въ тѣло вмѣстѣ со смертоноснымъ осколкомъ!

Сестра приводила въ чувство. Слышны были ужасные стоны, душу раздирающіе крики изъ операціонной, куда по одному отправляютъ эти окровавленные куски мяса.

Весь вестибюль былъ полонъ остраго запаха крови. Кровь была всюду,—на лицахъ, на рукахъ, на халатахъ, на стѣнахъ. На полу цѣлыя лужи. Начнутъ снимать одежду, — вдругъ сорвется повязка и кровь бьетъ фонтаномъ. Отъ запаха крови голова кружилась. Еле можно было устоять на ногахъ, въ глазахъ темнѣло и все казалось краснаго, кроваваго цвѣта.

Доктора въ госпиталяхъ приходили прямо въ отчаяніе: перевязочныхъ средствъ не хватало, такъ же и антисептическихъ; за послѣднее время операціи въ громадномъ большинствѣ кончались гангреной.

Стало вечерѣть; былъ уже шестой часъ. Японцы, постепенно увеличивая интенсивность бомбардировки, изрѣдка пускали снаряды на V-й фортъ, и на Рыжую гору.

Въ Штабъ прибыли четыре роты моряковъ. Въ качествѣ офицеровъ въ ротахъ было много инженеръ-механиковъ. Съ праваго фланга также пришли три роты стрѣлковъ. Начальникъ участка полковникъ Т. дѣлалъ распоряженія о расчетѣ рабочихъ, инструментовъ, матеріаловъ и проч.

Въ Штабѣ собралась масса офицеровъ. Всѣ ждали наступленія темноты, чтобы отправиться на гору, каждый къ своему дѣлу.

Прошли еще сутки такого же боя. Ужасныя сутки, полныя томительнаго душу надрывающаго ожиданія. Теперь всѣмъ было ясно, что японцы, сознавая

всю важность обладанія этой горой, стремятся цѣной какихъ бы то ни было жертвъ взять ее... Отстояніе этой позиціи стало для насъ вопросомъ жизни и смерти Артура. Позиціи на правомъ флангѣ и въ центрѣ на цѣлыя сотни шаговъ были лишены гарнизона: роты всѣ ушли на Высокую. Моряки тоже вняли нашему голосу и, понявъ, наконецъ, что Артуръ для флота, а не флотъ для Артура, прислали баталіонъ матросовъ. Все вниманіе всего Артура, солдатъ, офицеровъ, генераловъ, частныхъ жителей сосредоточилось на Высокой. Какъ голодные бросаются на пищу, такъ и всѣ набрасывались на человѣка, пришедшаго съ Высокой или изъ Штаба Западнаго фронта. Всѣ чувствовали, что Высокая — это послѣдняя ставка проигравшагося Артура: либо панъ, либо пропалъ.

Что только творилось въ Штабѣ фронта. Словами не передать той лихорадки, рвенія, мученій, что приходилось испытывать офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Люди валились съ ногъ отъ усталости, засыпали за ѣдой съ ложкой въ рукахъ или стоя у телефона.

А эти телефоны... Какъ они нужны, и какъ они изводящи.

Стояло четыре телефона и цѣлый день и ночь постоянно не переставая звонили, говорили; говорили, звонили. Приходилось по получасу ждать, пока добьешься очереди передать приказаніе или спросить что либо. И офицеры, и нижніе чины чуть съ ума не спятили отъ нервнаго разстройства и возни съ телефонами. Ежеминутно линіи перебивались. Важное донесеніе, разговоръ прекращались на половинѣ, — или попадетъ снарядъ въ городъ около центральной станціи, или въ другомъ мѣстѣ въ воздушные провода, перебьетъ и перепутаетъ линіи. И вотъ извольте вызывать какую либо станцію. Вызываешь Штабъ крѣпости, отвѣчаетъ Интендантское управленіе. Вызываешь Инженерное управленіе, отвѣчаетъ Штабъ западнаго фронта или какой либо люнетъ или фортъ № 1. А вѣдь нужда острая, жгучая: надо передать, приказать, подвезти, увезти и пр. Бой идетъ, японцы не ждутъ, пока отправимъ коннаго вѣстового или ординардца. Одинъ только штабсъ-капитанъ Д. могъ говорить хладнокровно, не изводясь. Поразительнаго самообладанія былъ человѣкъ. Гдѣ другіе изводились, злились, ругались, готовы были не только телефонъ разбить въ дребезги, но кажется на стѣну полѣзли бы, къ которой прибить телефонъ, тамъ штабсъ капитанъ говорилъ спокойно, не волнуясь, вѣжливо. При разговорѣ съ кѣмъ нибудь изъ офицеровъ онъ обязательно здоровался въ началѣ разговора и заканчивалъ

неизмѣннымъ: „честь имѣю кланяться, будьте здоровы". Словомъ удивительный былъ человѣкъ.

Полковникъ Т. сидѣлъ на горѣ комендантомъ. Штабъ лишился мѣрнаго своего регулятора, приводившаго весь механизмъ въ равномѣрное движеніе. Полковникъ И., человѣкъ поразительный, отчаянной храбрости рвалъ и металъ; онъ самъ готовъ былъ одинъ лѣзть на всѣхъ японцевъ въ рукопашную. Генералъ К. сидѣлъ безвыходно въ Штабѣ и распоряжался.

Съ Высокой мало кто возвращался съ легкими ранами. Всѣ гибли тамъ. На идущихъ на гору всѣ смотрѣли, какъ на мертвецовъ.

Бой продолжался непрерывно.

Наконецъ 19-го ноября, полковникъ Т. долженъ былъ оставить гору, получивъ тяжелую рану, и на его мѣсто пошелъ полковникъ С.

Коменданты смѣнялись чуть ли не каждые 3, 4 часа. Въ Штабѣ такъ и сыпалось: „А. убитъ, У. убитъ, К. убитъ, Д. убитъ, М. раненъ" и т. д.

Гарнизонъ на горѣ, несмотря на щедро подливаемый резервъ, таялъ, какъ снѣгъ на солнцѣ.

Былъ даже такой случай: комендантъ послалъ цѣлую роту въ верхній окопъ, но придя туда черезъ полчаса, окопъ нашелъ занятымъ японцами, между тѣмъ атаки не было... Оказалось, что вся рота, вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ, была перебита артиллерійскимъ огнемъ, и японцы по одиночкѣ подползали и заняли пустой окопъ. Даже ни одинъ человѣкъ не уцѣлѣлъ, чтобы сообщить объ этомъ коменданту.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда бѣшеныхъ атакъ, небывалаго въ исторіи героизма съ той и съ другой стороны, японцы заняли правую сопку. И затѣмъ, зайдя съ лѣваго фланга, заняли и крайніе лѣвые окопы внизу.

Ночью начальникъ фронта полковникъ И., собравъ жалкіе остатки ротъ, въ составѣ приблизительно баталіона, самъ повелъ въ атаку, желая выбить противника изъ окоповъ.

Но безуспѣшно.

Японцы изъ пулеметовъ съ правой сопки косили нашихъ, какъ сѣно.

Героизмъ многострадальныхъ солдатъ разбился объ дьявольскій огонь противника.

Какъ будто раскрылись двери ада и самъ Вельзевулъ изрыгалъ на кучу обезумѣвшихъ отъ горя, злобы и отчаянія людей всесокрушающій огонь.

Люди, какъ разъяренные львы, бросались впередъ на занятые японцами окопы, не доходили...

Пулеметы косили... Буквально косили, какъ косятъ траву.

Сраженные пулями, вскинувъ безпомощно руками, тутъ же падали или катились внизъ подъ гору, разбиваясь о камни.

Наконецъ, настало утро...

Подъ откосомъ въ оврагѣ, у перевязочнаго пункта творилось нѣчто ужасное... Японцы съ горы обстрѣливали дорогу и не было никакой возможности ни уйти съ перевязочнаго пункта, ни изъ города туда попасть. Всѣ, кто только высовывался изъ-за откоса, падали мертвыми.

Маленькіе желтые люди въ своей дерзости дошли до того, что человѣкъ пять стали открыто на вершинѣ горы, во весь ростъ, и оттуда охотились за тѣми, кто осмѣливался ѣхать къ подошвѣ горы или оттуда въ Штабъ.

У перевязочнаго пункта была какая-то ужасная куча: люди, лошади, бочки, носилки, двуколки, раненые, убитые, сестры милосердія, врачи, священникъ, велосипедисты, санитары — все это перемѣшалось, былъ какой-то хаосъ.

Всѣ старались прижаться къ откосу, быть въ полосѣ, недоступной огню японцевъ.

На трупахъ, еще не остывшихъ, сидѣли, лежали, спали.

Японцы били съ 200 шаговъ и били прямо на выборъ,—въ голову.

Наконецъ, удачно пущенный съ V форта снарядъ уложилъ всѣхъ пятерыхъ.

Только вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, удалось убраться изъ этой ужасной клѣтки и размѣстить раненыхъ по госпиталямъ.

Ночью была сдѣлана послѣдняя отчаянная попытка завладѣть горой... Но не дала никакого результата, кромѣ гибели еще нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Наконецъ, около двухъ часовъ ночи, генералъ К., съ тоской во взорѣ, отдалъ приказаніе отступить съ горы горсти храбрецовъ, оставшихся въ живыхъ и сидѣвшихъ тамъ двое сутокъ безъ пищи и воды.

Одновременно было приказано отступать и съ горъ Дивизіонной и Плоской, которыя сами по себѣ безъ Высокой держаться не могли.

Отступили на окраину Новаго города.

Линія обороны перешла съ IV форта черезъ горки: Фугасную, Рыжую на V фортъ.

И начальство и нижніе чины сильно пріуныли. Ни для кого не было тайной, что скоро наступитъ конецъ. И хотя бы Куропаткинъ былъ близко, все равно ему во время не подоспѣть.

На офицерахъ Штаба Западнаго фронта лица не было, всѣ ходили какъ осенніе мухи. Даже энергич-

ный штабсъ-капитанъ Д. весь осунулся, поблѣднѣлъ, охрипъ (отъ телефонныхъ разговоровъ), и еле держался на ногахъ. Не слышно было болѣе его оптимистическихъ разсужденій.

Снова потянулись дни лихорадочной работы по укрѣпленію позицій.

Отрытые раньше окопы приводили въ порядокъ, отрывали новые, устраивали засѣки, проволочныя сѣти, мины, волчьи ямы и проч. *).

Японцы, занявъ гору, замерли...

Никакихъ признаковъ жизни...

Лишь четыре ночи подрядъ на вершинѣ Высокой горы горѣли шесть громадныхъ яркихъ костровъ.

Одни говорили, что это жгутъ трупы, а другіе— что это условленный какой-то сигналъ.

На пятый день началась грозная бомбардировка Новаго города... Снаряды сыпались какъ градъ.

Тутъ были всякихъ калибровъ и наименованій, начиная съ 11-ти дюймовыхъ и кончая 47″ бронебойными.

Съ Высокой весь Артуръ видѣнъ какъ на ладони. Ходить по городу стало невозможно: по отдѣльнымъ людямъ пускали шрапнели или заводили пулеметы.

Корректируя стрѣльбу съ Высокой, они ежедневно уничтожали нѣсколько зданій. Тѣ нѣсколько десятковъ частныхъ жителей или гражданскихъ служащихъ, что остались въ Артурѣ, бѣжали изъ города на Дачныя мѣста, въ заброшенныя китайскія фанзы подъ Ляотешаномъ или скрывались въ подвальныхъ этажахъ домовъ подъ Обелисковой горой.

Всѣ зданія въ Новомъ городѣ за малыми исключеніями, были заняты подъ госпитали.

Погода измѣнилась, пошелъ снѣгъ, наступили сильные холода и ужасные вѣтры.

Несчастные раненые, попавъ въ госпиталь думали, что спаслись отъ ужасовъ боя; но не тутъ-то было, ихъ ожидало нѣчто худшее.

Госпитали были переполнены, въ палатѣ для двадцати человѣкъ помѣщалось шестьдесятъ. Люди лежали на нарахъ или койкахъ почти вплотную другъ къ другу. Все это были калѣки и тяжело раненые; легко

---

*) Къ работамъ были привлечены и дружинники и портовые рабочіе. Даже артиллеристы работали, какъ пѣхотинцы, все равно имъ нечего было дѣлать, стрѣлять было нечѣмъ.

На мѣста попорченныхъ прожекторовъ ставили новые. Жалкіе остатки—нѣсколько десятковъ снарядовъ хотѣли использовать, ставили нѣсколько мелкихъ пушекъ (старые разстрѣлялись, были негодны). Этими работами вѣдалъ артиллеристъ полковникъ Т. Капитанъ Г. былъ раненъ и лежалъ въ госпиталѣ. Для отливки снарядовъ собирались устроить мѣсто подъ Ляотешаномъ.

больные за недостаткомъ мѣстъ сейчасъ же выписывались изъ госпиталя.

И вдругъ снарядъ за снарядомъ начинаютъ врываться въ это убѣжище горя и страданій, сѣя кругомъ смерть и разрушеніе.

Несчастные больные искалѣченные люди, обезумѣвъ отъ ужаса срывались съ коекъ и, не будучи въ состояніи ходить, — ползли вонъ на улицу, на снѣгъ, на холодъ и вѣтеръ, въ однѣхъ рубашкахъ.

И многіе, окоченѣвъ, тутъ же умирали.

(Госпитальная прислуга сама удирала отъ снарядовъ, а докторамъ и сестрамъ невозможно было справиться со всѣми).

Что было дѣлать. Куда ихъ переводить.

Весь Артуръ былъ въ однѣхъ и тѣ же условіяхъ.

Два госпиталя перевели. Одинъ въ зданіе гостиницы „Россія“, а другой въ казармы 28-го полка.

Но какой прокъ. Раненые простуживались и умирали. *)

Ежедневно разрушали по нѣсколько зданій.

Суда эскадры подверглись той же участи.

Даже намъ, сухопутнымъ, больно и обидно было видѣть, какъ безпомощно гибли эти стройные великаны: Ретвизанъ, Пересвѣтъ, Полтава и другіе.

Молчали грозныя двѣнадцати-дюймовыя орудія, глядя уныло на гибнувшій Артуръ.

Матросы плакали, глядя на свои суда.

Бомбардировка шла безпрестанно за очень рѣдкими и короткими перерывами.

Артуръ разрушался все болѣе и болѣе.

Дѣйствительно, японцы выполняли свое обѣщаніе.

(Въ іюлѣ во время разговоровъ въ окопахъ японцы кричали намъ, что если Артуръ и не возьмутъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ бомбардировать такъ, что камня на камнѣ не останется).

Весь городъ сталъ грудой развалинъ. Одновременно съ городомъ стали громить и батареи морского фронта на Тигровомъ хвостѣ, но безуспѣшно.

Снаряды не только добрасывались до вершины Золотой Горы, но даже давали перелеты въ море.

Даже „Севастополь“, стоявшій въ морѣ подъ Бѣлымъ Волкомъ не избѣгъ общей участи. Стрѣляя перекиднымъ огнемъ черезъ батареи № 1 и № 2, японцы старались утопить его. Четыре ночи подрядъ японскіе миноносцы, какъ стаи бѣшенныхъ собакъ,

---

*) Старшій врачъ Дальнинской больницы, докторъ Н. получилъ благодарность отъ г. Балашева за то, что перевезъ больницу изъ Новаго города въ казармы 28-го полка, не потерявъ никого ни раненымъ, ни убитымъ, между тѣмъ, какъ въ теченіе недѣли послѣ перевозки умерло 100 человѣкъ простуженныхъ во время перевозки.

набрасывались на судно, тщетно силясь растерзать его своими минами. Но, не смотря на всѣ отчаянныя усилія, этого имъ не удалось. „Севастополь“ получилъ лишь двѣ незначительныя пробоины. Отчаянной бомбардировкѣ подверглись IV-й фортъ и IV-е укрѣпленіе, V-й фортъ и батарея литера „Д“.

На V-мъ форту взорвался бомбовый погребъ и паровой котелъ съ машиной отъ прожектора. Прожекторъ на лит. „Д“ также былъ испорченъ. Словомъ, всюду царила смерть и разрушеніе.

Никто, выходя изъ дома, не могъ быть увѣренъ, что вернется обратно.

Лицамъ не военнымъ, жившимъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, коммунами, приходилось конину покупать чуть ли не полтора рубля фунтъ.

Питаться было нечѣмъ, ни овощей, ни консервовъ, ни приправъ.

Китайцы уже давно питались собаками, по 26 к. за фунтъ.

Цѣна на корову, быка дошла до 1800 рублей, свинья стоила 600—700 рублей. Гусь, индѣйка стоили по 100—150 руб.

Пудъ чесноку стоилъ 280 руб. и то съ трудомъ можно было достать.

Лимонной кислоты давно не было.

Цынга ежедневно стала уносить массу людей до 8%.

Въ госпиталяхъ уже не было мѣста для цынготныхъ.

Двуколки съ мертвецами цѣлый день непрерывно тянулись по дорогѣ на кладбище подъ Бѣлымъ Волкомъ.

Видъ этихъ продолговатыхъ, зашитыхъ въ матеріи всякихъ цвѣтовъ, тѣлъ, даже на самыхъ крѣпкихъ людей производилъ удручающее впѣчатлѣніе.

Надъ погибшимъ Артуромъ безпрерывно тянулись тучи дыму отъ горящихъ судовъ, зданій и складовъ Порта.

Такъ уныло и безпросвѣтно тянулись дни послѣ потери Высокой.

Всѣми любимый генералъ К. весь похудѣлъ, осунулся и ходилъ молчаливый и грустный. Только неотложныя заботы нѣсколько оживляли его.

Даже талантъ и умъ этого широкообразованнаго человѣка были безсильны противъ суровой дѣйствительности.

Одна только вѣра, безотчетная увѣренность въ способности покойнаго, укрѣпляли духъ слабыхъ и не давали падать сильнымъ.

Всякій изъ насъ, видя спокойно улыбающееся лицо и умный добрый взглядъ сѣрыхъ глазъ генера-

ла, самъ какъ то успокаивался и думалъ: „Если К. не отчаивается, значитъ, еще не все потеряно".

Его ласковое обращеніе, его умѣніе цѣнить способныхъ изъ младшей братіи, его способность терпѣливо выслушивать мнѣніе какого либо подпоручика и соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, а не кричать, что онъ генералъ и все знаетъ, и все должно быть такъ, какъ онъ хочетъ, обвораживало, увлекало и располагало къ нему всѣхъ. Не найдется ни одного офицера, ни одного солдата, который бы его не любилъ. Миръ праху его.

Покойный К. каждую ночь пріѣзжалъ на лѣвый флангъ, каждую ночь ходилъ по позиціямъ, провѣряя работы, давая новыя указанія.

Полковникъ И. тоже не выглядѣлъ прежнимъ энтузіастомъ и болѣе не мечталъ вслухъ о переходѣ въ наступленіе, а больше молчалъ или горячился изъза пустяковъ.

Оборона Артура для этого „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ" (какъ было вполнѣ справедливо отдано въ приказѣ) стала.

Лишившись своего боевого товарища и сотрудника полковника Т. (нынѣ — георгіевскій кавалеръ), онъ чувствовалъ себя крайне сиротливо и не могъ мѣста себѣ найти. Новый его сотрудникъ, замѣнившій полковника Т., мало походилъ на своего самоотверженнаго тактичнаго предшественника. И полковникъ И. походилъ на машину, лишившуюся регулятора.

Одно и было для него утѣшеніе—рыскать по позиціямъ на своемъ сѣромъ жеребцѣ и лазить по окопамъ.

Не смотря на свои преклонные годы, безсонныя, ночи, треволненія войны, этотъ человѣкъ былъ не утомимѣе иного молодого.

Проскакать сорокъ верстъ и затѣмъ пройти верстъ 15, лазя съ горы на гору, для него было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Перваго декабря, послѣ непрерывной восемнадцатичасовой работы на морозѣ и въ удушливой атмосферѣ лабораторіи, мы попали въ свою квартиру часовъ въ 7 вечера.

Поужинавъ кускомъ холодной мулятины и запивъ стаканомъ добраго шамбертена, часовъ въ 8 легли спать.

(Вообще, спать надо было при всякомъ удобномъ случаѣ, ибо нельзя было ручаться, что вдругъ не понадобится какая либо экстренная работа и спать не придется нѣсколько сутокъ подрядъ).

Вдругъ среди ночи телефонъ надъ кроватью сталъ неистово трезвонить.

Я вскочилъ и началъ неизмѣнное: „откуда гово-

рятъ". Отвѣта нѣтъ, лишь слышенъ глухой чужой разговоръ. Ну, значитъ линіи опять перепутались, и, пока не исправятъ, всю ночь не дадутъ спать своимъ трезвономъ, подумалъ я, собираясь повѣсить трубку, какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ ужасными словами: „Я, зная, что убиты К., Н., Р. и еще много человѣкъ, 15 офицеровъ всего..."

Меня какъ будто кипяткомъ ошпарили и сонъ мигомъ прошелъ, но нѣсколько минутъ не могъ сообразить въ чемъ дѣло.

Что кажется проще того, что на войнѣ убьютъ кого-либо. Но этотъ человѣкъ всѣмъ намъ былъ такъ дорогъ, дѣлу Артура такъ необходимъ, что какъ то не вѣрилось. Даже самая мысль о его смерти, какъ то казалась чѣмъ то дикимъ, несуразнымъ. Придя нѣсколько въ себя, я сталъ усиленно звонить на центральную.

— Что нужно, — спрашиваетъ телефонистъ.

— Кто сейчасъ говорилъ, что генералъ К. убитъ,— спрашиваю я, называя свою фамилію.

— Это мнѣ знакомый телефонистъ изъ штаба генерала Г. сообщалъ, — слышу отвѣтъ. — Тамъ еще много офицеровъ убито, около 15, говорятъ, — добавляетъ онъ.

— Можетъ быть, твой телефонистъ пьянъ, — допрашиваю я.

— Никакъ нѣтъ. Это не такой человѣкъ, да и какъ можно такія вещи врать.

На всѣ мои разспросы, какъ, когда, гдѣ произошло несчастье, онъ могъ только сообщить, что всѣ убиты на второмъ форту сегодня ночью.

— Александръ Петровичъ, Александръ Петровичъ, — сталъ будить я своего жителя, — вставайте, несчастье, К. убитъ, — и разсказываю все что самъ узналъ.

— Брешутъ съ пьяна, — авторитетно пробурчалъ мой сожитель, высовывая годову съ заспанными глазами изъ подъ одѣяла, — К. не можетъ быть убитъ, — сказалъ и снова голова скрылась подъ одѣяло.

Такое твердое убѣжденіе подѣйствовало почемуто и на меня успокоительно, и я, ругая про себя и пьянство, и водку, легъ снова спать.

Утромъ, когда вѣстовой вошелъ съ чаемъ, меня удивило мрачное выраженіе обыкновенно плутоватой физіономіи моего Лепорелло.

На вопросъ что съ нимъ, не боленъ ли онъ. Онъ покачалъ головой:

— Никакъ нѣтъ, я здоровъ, да вотъ болтаютъ солдаты, что генерала К. убили, да съ нимъ много г.г. офицеровъ, человѣкъ съ 10.

— Да ты генерала К. знаешь, — спрашиваетъ мой сожитель.

— Какъ не знать, это тотъ, что у насъ чай пилъ, когда въ прошломъ мѣсяцѣ въ лабораторію пріѣзжалъ, — возражаетъ деньщикъ.

Промучившись съ телефономъ цѣлый часъ, наконецъ, мнѣ удалось вызвать Штабъ Западнаго фронта и попросить къ разговору штабсъ-капитана Д.

На мой вопросъ о дошедшемъ до насъ слухѣ, штабсъ-капитанъ отвѣчалъ трагическимъ голосомъ: „Увы, правда, начало конца наступаетъ".

И болѣе онъ не въ состояніи былъ что либо сообщить, горе душило его.

День провели мы въ убійственно-тяжеломъ настроеніи, всѣ наши попытки узнать достовѣрно, при какихъ обстоятельствахъ погибли генералъ и восемь офицеровъ, не увѣнчались успѣхомъ. Разсказывали разные небылицы.

На слѣдующій день къ намъ пріѣхалъ въ гости артиллеристъ поручикъ Н., и, какъ очевидецъ, разсказалъ слѣдующее:

Генералъ собралъ на второмъ форту совѣтъ для обсужденія положенія форта. За столомъ сидѣли: генералъ К. инженеры подполковникъ Р. и капитанъ З., командиръ 28-го полка подполковникъ Н. и еще человѣкъ 20 офицеровъ всякихъ родовъ оружія и ранга.

Генералъ сидѣлъ спиной къ двери, ведущей въ сосѣдній казематъ, гдѣ работалъ саперный офицеръ— Б., дверь была забита досками. Одинадцатидюймовый снарядъ, пробивъ бетонъ, влетѣлъ въ казематъ, гдѣ работалъ саперъ, разорвался и причинилъ ему лишь легкую контузію, а въ томъ казематѣ, гдѣ былъ совѣтъ, девять офицеровъ убито и восемь ранено.

(Никогда еще ни одинъ снарядъ не уносилъ столько дорогихъ дѣлу обороны людей, какъ этотъ. Японцамъ слѣдовало бы выше мѣры наградить артиллериста, пустившаго его).

Черезъ два дня состоялись похороны генерала. Не смотря на отчаянную бомбардировку всего Артура, всѣ, кто только могъ, явились отдать послѣдній долгъ павшему герою.

Многіе офицеры и солдаты рыдали какъ дѣти.

Странно было видѣть это проявленіе чувства у людей, которые, казалось бы, потеряли всякую чувствительность души и превратились лишь въ субъектовъ, помышляющихъ объ убійствѣ и крови.

Солдаты ходили унылые и сиротливые, и безнадежно махали рукой, когда бывало заговоришь объ удержаніи Артура.

Было ясно, что намъ Артура не отстоять, если

бы даже Куропаткинъ былъ у Самсона, а Рождественскій у Формозы, какъ увѣряли нѣкоторые.

Всѣ были готовы къ смерти, общая гибель казалась неизбѣжной, наступало начало скораго конца.

На мѣсто покойнаго К. былъ назначенъ генералъ Ф. Каждый наступающій день приносилъ все новыя и новыя неудачи. Каждый день отдавалась позиція за позиціей на восточномъ и сѣверномъ фронтахъ.

Но это никого не трогало, не волновало.

Какъ капитанъ гибнущаго судна спокойно стоитъ на своемъ мостикѣ, хладнокровно ожидая погрузиться въ волны, вмѣстѣ со своимъ кораблемъ, такъ и гарнизонъ Артура, полуживой, жалкій физически, но крѣпкій духомъ еще, ожидалъ своего конца на землѣ, насыщенной кровью своихъ товарищей, на твердыняхъ созданныхъ имъ же, на позиціяхъ, гдѣ погибли лучшіе люди.

Прежде, отдача какого-либо неважнаго пункта вызывала ожесточенные споры; разговоровъ бывало на цѣлую недѣлю, а теперь къ отдачѣ такихъ позицій, какъ третій фортъ, остались совершенно равнодушны. Нервовъ не было.

Полковникъ Т. оправившись чуть чуть отъ ранъ, не утерпѣлъ и выписался изъ госпиталя.

Послѣ взятія Высокой, японцы повели сапу подъ V-й фортъ, но двигались довольно медлено. Теперь они обратили все свое вниманіе и энергію на правый флангъ и центръ.

5 декабря съ утра обнаружилось желаніе ихъ штурмовать сѣверо-восточный фронтъ.

Опять стали безъ счета падать снаряды на окопы. Опять начался тотъ же кромѣшный адъ, что и на Высокой. Опять потянулись непрерывныя вереницы раненыхъ къ госпиталямъ... Опять заметались въ отчаяніи врачи и сестры.

Къ полудню японцы дали горнъ (взрывъ изъ минной галлереи) на 2-мъ форту и бросились массами на штурмъ.

Снова полилась кровь ручьями, снова полетѣли на воздухъ отрываемыя руки, ноги, головы, внутренности... Снова стали рѣзать, колоть, душить, грызть другъ друга. Снова воздухъ огласился душураздирающими стонами. Снова послышались „банзай“ и „ура“.

Два часа слишкомъ длилось царствованіе кровожаднаго бога войны...

Оставивъ около 400 окровавленныхъ, истерзанныхъ, хрипящихъ въ смертной агоніи, полуживыхъ людей, уцѣлѣвшіе японцы отступили, не сумѣвъ взять фортъ. Но долго удержаться на этомъ форту нельзя было. Весь фортъ представлялъ собой кучу

развалинъ, уцѣлѣло только два каземата. Защищаться было негдѣ...

Было ясно, что японцы снова бросятся на штурмъ. Поэтому 6 декабря гарнизонъ былъ ночью выведенъ и уцѣлѣвшіе казематы взорваны нашимъ миннымъ офицеромъ.

На этомъ злополучномъ форту за два дня и одинъ штурмъ мы потеряли болѣе 200 человѣкъ. А при общей малочисленности гарнизона въ 10,000 человѣкъ (съ моряками) это была солидная цифра.

Послѣ этого, крупнаго наступленія они не предпринимали, но зато, стали особенно быстро подвигаться впередъ сапой, брали мелкія позиціи и пробовали взорвать 3-е укрѣпленіе, но не удачно.

15 декабря съ ранняго утра началась отчаянная бомбардировка всего фронта вплоть до IV форта— включительно, одновременно съ бомбардировкой города и Порта.

Непрерывный гулъ, грохотъ и рявканье, свистъ и вой осколковъ наводили ужасъ, кровь холодѣла, мысли путались. Надъ горами стоялъ сплошной дымъ отъ разрывовъ шрапнели...

Между 9 и 11 часами утра японцы дали горнъ подъ фортомъ № III.

Обрушилась лишь небольшая часть бруствера *). Огонь артиллерійскій достигъ апогея...

Словъ не хватаетъ описать...

Наши мученики-герои укрылись въ двухъ фланговыхъ окопахъ. На форту царила смерть... Тысячи осколковъ пуль, камней свистѣли и шипѣли во всѣхъ направленіяхъ... Японцы, сидѣвшіе на гласисѣ и во рву, бросились въ атаку...

Наши озвѣрѣли... Нервное напряженіе превратило этихъ хилыхъ, изможденныхъ, больныхъ людей въ разъяренныхъ тигровъ... въ мускулахъ появилась атлетическая сила. Винтовки превратились въ цѣпы... Стоя на краю бруствера, они молотили прикладами по головамъ лѣзшихъ изо рва японцевъ.

Большія ручныя бомбы, падая въ ровъ, уничтожали японцевъ десятками. То и дѣло слышался ужасный взрывъ, цѣлые люди, половины людей, руки, ноги, головы взлетѣли на воздухъ, орошая все кругомъ кровавымъ дождемъ...

Отвратительнымъ сатанинскимъ градомъ падали эти полуживые, еще шевелящіеся и прыгающіе куски окровавленнаго мяса на живыхъ защитниковъ форта... Но никто этого не замѣчалъ...

Никто не соображалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ...

---

*) Японцы плохо вели подземную минную войну.

у всѣхъ было одно стремленіе, одно желаніе, одна цѣль... возможно больше убить, истребить этихъ, какъ саранча ползущихъ и карабкающихся синихъ съ желтыми околышами людей.

И они истребляли ихъ...

За часъ боя японцевъ легло около 400 человѣкъ и они перестали лѣзть... Наши валились съ ногъ отъ усталости...

Снова началась невѣроятная, небывалая бомбардировка форта...

Черезъ два дня снова бросились въ атаку... Но наши дорого продавали свою жизнь... На одного павшаго нашего, погибало пять японцевъ... Японцы опять были отбиты... ...И опять начали громить фортъ...

И подъ прикрытіемъ убійственнаго артиллерійскаго огня и ужасающаго пулеметнаго изъ близъ лежащихъ траншей, они заняли взрывомъ обрушенное мѣсто бруствера... окопались... подлили резервъ, и къ вечеру бросились массой, около 1,000 человѣкъ за брустверъ...

Опять закипѣлъ страшный бой... Но двѣ сотни нашихъ храбрецовъ мигомъ были уничтожены разъярившимися врагами... Сила была на ихъ сторонѣ...

Горсточка нашихъ скрылась въ казематахъ, желая погибнуть съ фортомъ... Остальные отступили въ окопъ сзади...

Японцы поставили пулеметы противъ казематовъ и истребляли оттуда всѣхъ...

Резервы три раза бросались въ бѣшеную атаку на фортъ, чтобы спасти товарищей... Но... безуспѣшно... Мѣста было мало, приходилось идти по одному ходу сообщенія и пулеметы косили всѣхъ... Бой длился почти семь часовъ...

Наконецъ, черезъ окно удалось увести солдатъ, засѣвшихъ въ казематахъ.

И... III-й фортъ остался въ рукахъ японцевъ...

Теперь весь правый флангъ, центръ, а слѣдовательно, и Старый Городъ были почти во власти японцевъ. Любой пунктъ они могли отсюда поражать.

Отступили на китайскую стѣну и къ Орлиному Гнѣзду.

18-го началось наступленіе одновременно въ двухъ пунктахъ. Японцы, числомъ около двухъ полковъ, ринулись на позиціи у Голубиной Бухты и на II-е укрѣпленіе.

Еще съ 1 часу ночи начали они громить III-е укрѣпленіе и близъ лежащіе пункты... Надъ Артуромъ стоялъ ревъ и стонъ отъ выстрѣловъ и разрывовъ... Черные клубы дыма шимозе смѣшивались съ молочно-бѣлымъ разрывомъ одинадцатидюймовыхъ. Клубки шрапнельныхъ дымковъ подымались на небо,

образуя цѣлыя облака... Съ зловѣщимъ воемъ летѣли одинадцатидюймовые, подымая огромные столбы воды и брызгъ въ бухтѣ... Сгорѣвшій „Бобръ“ *) мрачно смотрѣлъ своимъ голымъ почернѣвшимъ остовомъ на гибнувшихъ собратьевъ... Даже „Ангара“, „Казань“, „Монголія“ *), не избѣгли своей участи и на нихъ летѣли смертоносные чудовища современной артиллеріи.

Утромъ послышался ужасный, оглушительный, взрывъ и земля, камни, доски, бревна, люди полетѣли на воздухъ надъ третьимъ укрѣпленіемъ. Японцы дали горнъ... Комендантъ укрѣпленія штабсъ-капитанъ С. погибъ... Погибло и большинство защитниковъ... Японцы устремились массами въ промежутокъ между фортомъ № III и Большимъ Орлинымъ Гнѣздомъ на китайскую стѣну... Закипѣлъ отчаянный, послѣдній бой... Два раза они бросались въ штыки... Героизмъ нашихъ былъ сверхестественнымъ...

Сами гибли десятками и врага губили сотнями...

Батареи 7-го дивизіона и 4-ой бригады осыпали шрапнелью, какъ дождемъ. Выпускались послѣдніе снаряды...

Наступила ночь... Не было никакого сомнѣнія, что на китайской стѣнѣ намъ не удержаться...

Отступили на окраину Стараго Города.

На Голубиной Бухтѣ вся сводная команда поручика Е. была уничтожена, и самъ онъ тяжело раненъ. Отступили къ подошвѣ Ляотешана.

Не было прежнихъ разговоровъ. Не было оживленныхъ споровъ: когда придетъ Куропаткинъ, какъ придетъ, какъ мы перейдемъ въ наступленіе, какъ эскадра Рождественскаго отрѣжетъ отступленіе японцевъ въ Японію, какъ, отстоявши Артуръ, вернемся въ Россію.

Теперь всѣ были мало разговорчивы, если и говорили объ отстояніи Артура, то только изъ того же чувства, какъ въ домѣ тяжело больного не говорятъ о смерти. Всякій про себя думалъ одно: скоро конецъ, прощайте мои дорогіе, близкіе, родные и друзья, вы можете гордиться мной, читая о моей смерти, я гибну въ Артурѣ; общество съ уваженіемъ будетъ смотрѣть на васъ, мои родители, потерявшихъ сына въ Артурѣ.

Да, такъ думалъ гарнизонъ Артура, но судьбѣ угодно было распорядиться иначе...

---

*) Канонерка. Стояла въ западномъ бассейнѣ.

**) Плавучій госпиталь съ флагомъ Краснаго Креста.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ